

СТЕФАН АНХЕМ

МОТИВ

«СТЕФАЛУ АНХЕМУ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ
УДАЛОСЬ НАПИСАТЬ ТРИЛЛЕР,
ОТ КОТОРОГО НЕВОЗМОЖНО ОТОРВАТЬСЯ».
МОККА, GERMANY

Стефан Анхем

Мотив X

Серия «Триллер по-скандинавски»

Серия «Фабиан Риск», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64714811

Мотив X: Издательство АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-127450-4

Аннотация

Фабиан Риск решает ненадолго отойти от дел, чтобы провести время со своей семьей, переживающей нелегкие времена. Но ему по-прежнему не дает покоя таинственное самоубийство его коллеги, Хуго Эльвина, инспектор уверен, что его друг вел расследование, которое затрагивало интересы высших чинов полиции.

Тем временем Хельсингборг потрясает волна жестоких нападений на кварталы беженцев, и кажется, что вся страна поражена вирусом нетерпимости. Общественные настроения пугают своей переменчивостью, и Фабиан вынужден вернуться на службу и приступить к расследованию.

Но чем дальше продвигается дело, тем очевиднее становится то, что настоящая опасность кроется в другом. Близится главная

вендетта Фабиана Риска с преступником, чьи методы поражают своей изощренностью, а мотивы неизвестны.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Стефан Анхем

Мотив X

© Stefan Ahnhem 2018

© Солуянова М., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*** * ***

Пролог

24 августа 2007 г.

Инга Дальберг пыталась собраться с мыслями. Хотя бы на несколько минут. Сосредоточиться на безоблачном августовском небе или музыке в наушниках. На том, что она совершенно не чувствовала усталости, хоть и заканчивала бег уже по третьему кругу на голубой дорожке. Или на том, что парк Рамлёса Бруннspark просто утопал в зелени – невозможно было что-то увидеть на расстоянии больше нескольких метров.

Но, похожие на муравьев, которые всегда находят дорогу на кухню, мысли настойчиво возвращались к плану, которому она посвящала все свободное время последние несколько недель. Плану, который меньше чем через три часа осуществится. И навсегда изменит ее жизнь.

В этот раз не должно быть ни одной ошибки. Одного растерянного взгляда или неуверенности в голосе достаточно для того, чтобы план провалился. После стольких лет она слишком хорошо знала Рейдара. Он очень быстро использует брешь в защите и вернет контроль над ней, сделав все, чтобы она снова выполняла все его команды как дрессированная собака.

Но что бы ни случилось и как бы он ни отреагировал, она

уже знала, что нужно сделать, чтобы он взял ручку и все подписал. И как только это будет сделано, она возьмет давно собранный чемодан и направится к входной двери.

Она все еще не могла поверить, что уже через несколько часов они отправятся в путь. И не куда-нибудь, а в Париж! Самый романтичный из всех городов. Наконец-то будет покончено с этой постоянной игрой в прятки. С зашифрованными сообщениями и постоянным страхом быть пойманной с поличным. Не говоря уже о том, как безумно ее тяготило каждый вечер ложиться в постель с нелюбимым мужчиной.

Уже сегодня вечером они станут свободны. Спокойно усядутся на любую лавочку и будут сидеть обнявшись. Она положит голову ему на колени и сможет одновременно любоваться его лицом и смотреть на звезды.

Она и ее любовник.

Инга повторила у себя в голове. *Любовник*. Слово ей нравилось. Оно было наполнено любовью и греховностью. Они ведь много грешили. И у нее, и у него дома, и в душе, и в машине. Не говоря уже о том скрытом от лишних глаз местечке у реки Роон, где они творили такое, о чем она раньше даже представления не имела.

Но теперь все, эта глава окончена. Скоро он перестанет быть ее любовником и станет ее любимым. Они покинут Каструп, будут пить шампанское и наслаждаться тем, что наконец-то их мечта стала реальностью.

Но нельзя сказать, что все случилось само собой. Внача-

ле он сопротивлялся и отказывался слушать, а она ощущала себя капризным ребенком. Это произошло, когда она в первый раз поставила вопрос ребром и пригрозила рассказать об их отношениях всем, кто был замешан в этой истории, и только тогда он осознал всю серьезность ситуации.

Вообще-то истерить и угрожать не в ее правилах, но она была не в состоянии и дальше жить во лжи. Это не могло продолжаться вечно. И как потом оказалось, он думал точно так же. Внезапно именно он встал у штурвала и стал активно планировать их путешествие.

Оставалось только решить, куда именно они отправятся, и она выбрала Париж. Он в свою очередь сказал, что оплатит билеты, еще и выбрал бизнес-класс. И теперь, думая о том, что всего через несколько часов они будут сидеть в самолете и он будет держать ее руку в своей, она все еще не могла поверить своему счастью, так что даже ущипнула себя, чтобы удостовериться – это не сон.

Но пока она не была полностью готова к путешествию. Как только придет домой, отправится в душ и закончит уборку. Окна вымыты, цветы она полила больше, чем обычно. Постельное белье выстирано и остается только отправить его в гладильную машину, потом можно застилать кровать. Говядина по-бургундски, любимое рагу Рейдара, уже кипела под крышкой, нужно только снять пробу и добавить специй.

Сегодня пятница, так что он обязательно зайдет выпить пива после работы, и к семи часам уже будет дома в своей

вонючей униформе, которую она в последний раз отправит в стирку, пока он будет принимать душ. Потом накроет на стол и будет ждать, когда он выйдет из ванной и примется за ужин.

И если все пойдет по плану, то в какой-то момент он поймет – что-то не так, и спросит, почему она не села напротив и не ужинает вместе с ним. Возможно, скажет с усмешкой, что все ее диеты не сработали, и она только набрала вес, хотя на самом деле она сбросила двенадцать килограммов с тех пор, как начала заниматься бегом.

Но в этот раз она не позволит ему смеяться над собой безнаказанно. Абсолютно спокойным, хорошо поставленным голосом она скажет, что вообще-то собирается его бросить.

Конечно, было бы гораздо проще уехать из дома, оставив прощальную записку на столе, до того, как он вернется домой. Но если есть хоть малейший шанс заставить его подписать все, то нужно хорошенько постараться. Посмотреть ему в глаза и подождать, пока он осознает, что все уже решено, и они больше никогда не будут ужинать вместе.

В зависимости от того, как пройдет день на работе, есть риск, что он вспылит, вскочит со стула и совсем выйдет из себя. Но он не тронет ее. Не в этот раз. Но, возможно, отшвырнет тарелку и даже опрокинет стол. Но все же вероятнее всего с налитыми кровью глазами и весь красный от гнева он самым спокойным тоном спросит, куда к чертям собачьим она собралась. Как она могла быть так чертовски наив-

на, что даже на секунду представила, будто сможет прожить без него.

После этого он зайдет еще дальше, напомнив ей о брачном договоре, скажет, что она со своими куриными мозгами, вероятно, совсем позабыла, что и дом, и машина, и большая часть мебели де-факто принадлежат ему.

Рейдару нравилось слово *де-факто*. Ему казалось, что, употребив его, он становится как минимум на полметра выше ростом, и любое его утверждение становится истиной в последней инстанции. Именно в этот момент, когда он будет разъярен, и его кровь закипит от адреналина, она рассчитывала положить на стол заявление на развод.

Сначала она не поняла, почему наушники, подключенные к маленькому айподу, внезапно вылетели из ушей. Тут же почувствовала удар, потом что-то острое полоснуло сначала по груди, а через секунду по шее и ключице. И только падая на спину, она заметила, как блеснула на солнце туго натянутая рыболовная леска.

Небо очень красивое, ясное и без единого облачка, именно таким оно было все лето. Кроме стука собственного сердца она слышала чириканье сотен птиц, где-то вне ее зоны видимости. Но подождите, разве она только что не слушала музыку? И почему она лежала на спине прямо посреди беговой дорожки?

Она дотронулась до шеи, которая очень болела, и попыталась сесть. В голове стучало, затылок ныл от боли. Она поду-

мала, что потеряла всего несколько минут, и все еще может успеть завершить дела до прихода Рейдара.

Она собрала все силы, чтобы подняться, но вдруг услышала, как ветки хрустнули за спиной. Обернулась и увидела, как листья, лежавшие плотным слоем вдоль беговой дорожки, зашевелились.

– Эй, здесь кто-нибудь есть? – позвала она, понимая, что там точно кто-то притаился. – Это вы натянули леску? – Она разозлилась и решила, что так просто это не оставит, несмотря на то, что времени разбираться не было.

Но в тот момент, когда человек внезапно материализовался из вороха листьев, злость пропала, и она поняла, что надо поторопиться, быстро встать на ноги и убираться отсюда. Не тут-то было. Казалось, будто сила притяжения не дает ей подняться с беговой дорожки. То же самое касалось и взгляда – она не могла отвести глаз от мужчины, который вышел на дорогу, держа в руке лопату.

Несмотря на безоблачное летнее небо, он был одет в темно-серый дождевик, также на нем были сапоги, поднимавшиеся выше колен. Под надетым на голову капюшоном – маска грабителя, закрывавшая все лицо, кроме уставившихся на нее глаз.

Она уже набрала в легкие воздуха, чтобы позвать на помощь, но внезапно ее взгляд упал на часы на его запястье, когда он перекинул лопату через плечо. «Омега Спидмастер», когда-то обошедшиеся ей почти в месячную зарплату.

Она не могла ничего различить в темноте, а скотч, которым был залеплен рот, так плотно приклеился, что она боялась даже попробовать закричать — губы могли полопаться. Она чувствовала, что опухшее лицо все в порезах и синяках. О господи, должно быть, он бил ее лопатой.

Она все еще не могла поверить, что это он натянул ту леску, избил ее до потери сознания и раздел догола. Если бы не эти часы. Может, ей просто показалось? Может, продавец в магазине просто соврал, чтобы оправдать завышенную цену, рассказывая, какой необычной была именно эта лимитированная серия «Аполлон». Наверное, так и есть. Так должно быть.

Какая теперь разница? Кем бы он ни был, это не играло никакой роли, ведь она лежала раздетой с заклеенными глазами и ртом, совершенно не представляя, что ее ждет. Или наоборот? Он сделал все, что должен был, и просто бросил ее здесь?

Она могла только констатировать, что все еще находилась не в помещении. Уже не в парке рядом с беговой дорожкой, а где-то недалеко от ручья или реки, поскольку слышала журчание воды сквозь заклеенные скотчем уши.

Она поняла, что не лежит, а скорее стоит на коленях, наклонившись вперед, словно в одной из поз в йоге, при этом обе руки вытянуты. Очень странно, особенно если учесть твердую поверхность под ней.

Она пыталась понять, что все это могло значить. Почему

он оставил ее голой именно в этом положении.

Она почти не чувствовала боли. И лицо, и тело, все будто онемело. Как будто больше не принадлежало ей. Скорее всего, он накачал ее какими-то наркотиками, другого объяснения не было. Означало ли это, что она была без сознания довольно долго? Скорее всего, несколько часов.

Как бы там ни было, ей надо как можно скорее выбираться отсюда, чтобы отправиться домой, принять душ и доделать все до прихода Рейдара. Она надеялась, что находится не слишком далеко от дома, и если повезет, то повреждения на лице окажутся не такими тяжелыми.

Он, конечно, спросит, что случилось. Но это не играло никакой роли. Ни при каких обстоятельствах произошедшее не должно было повлиять на ее изначальный план. Теперь оставалось только избавиться от скотча так, чтобы не ухудшить состояние ран.

Но как только она попыталась поднять руку, боль возникла словно из ниоткуда. Настолько сильная, что она закричала, несмотря на скотч. Боль молниеносно поразила тыльную сторону руки, потом поднялась до плеча. Руки оказались связанными. Что он сделал? Она попробовала пошевелить другой рукой – то же самое. Боль была настолько сильной, что скрутило живот. Она попыталась подвигать ногами, но неприятные ощущения в икрах оказались еще сильнее, чем в руках.

Она сидела, стараясь не двигаться. Как он мог... Что за

монстр сделал с ней такое?

– Вот мы и проснулись, – вдруг услышала она голос. – Самое время.

Он вернулся. Или был здесь все время? И был ли это он?

– Ну вот. Поднимайся. Вставай на четвереньки.

Она сделала, как он сказал, преодолевая боль.

– Вот так. Можешь ведь, когда захочешь.

Это он. Но ведь это невозможно. Должно быть, скотч, которым были заклеены уши, мешал ей различить все детали.

Она почувствовала, как он похлопал ее по бедрам рукой в перчатке, как будто осматривал лошадь в конюшне. Потом стал гладить ее по спине и опустился ниже, между ног.

– Теперь главное – не упади опять. Тогда конец всему.

Это он. Теперь она была в этом уверена.

Это Ингвар. Ингвар Муландер, человек, которого она любила больше всего на свете, и который всего через несколько часов должен был отправиться с ней в Париж.

Боль пронзила все ее тело от кистей рук до пальцев ног, когда поддон, на котором она сидела, задрожал и пришел в движение. Она закричала что было сил, но получилось только невнятное мычание.

Поддон под ее телом начал раскачиваться из стороны в сторону, и ей пришлось напрячь каждый мускул, чтобы удержать равновесие, стоя на четвереньках. В ту же секунду холодная вода потекла ей на руки, и она начала осознавать, что ждет ее дальше.

Часть первая

13–16 июня 2012 года

*Где бы ты ни копал, это не играет никакой роли.
В любом случае, как только дойдешь до дна,
запах станет невыносимым.*

1

Сначала Молли Вессман показалось, что это всего лишь очередная успокаивающая мелодия. Но чем громче становились звуки, тем отчетливее она понимала – это была арфа, что означало – у нее есть всего пять минут, чтобы проснуться и заставить мозг работать. Пять минут на то, чтобы полежать с закрытыми глазами и как следует потянуться.

Она чувствовала себя выспавшейся, ни разу за ночь не проснувшись, что было просто невероятно, принимая во внимание предстоящую во второй половине дня презентацию для правления. Обычно в таких случаях она лежала не сомкнув глаз всю ночь и являлась утром на работу ходячей развалиной. Сейчас же она была уверена, что правление одобрит ее предложение и позволит сделать оставшиеся, и так необходимые, сокращения, чтобы получить нужный резуль-

тат.

И все благодаря этому чудесному приложению для хорошего сна в телефоне. Раньше она никогда не спала больше четырех часов за ночь. Она постоянно чувствовала усталость и так часто брала больничные, что даже коллеги с маленькими детьми начали интересоваться, чем же она таким занимается.

Все кончилось тем, что бывший начальник пригласил ее в кабинет и рассказал о том, чего она упорно не замечала. Что только что, проходя мимо, она чуть не врезалась в стену. Потом он дал ей номер терапевта и посоветовал приложение, которое посредством звуковых волн и белого шума помогает мозгу расслабиться и обеспечить организму хороший сон.

Приложение сразу дало результаты, еще и стоило в разы меньше, чем обошлись бы несколько походов к терапевту с абсолютно бессмысленными беседами. Благодаря приложению она даже возобновила тренировки.

Она сделала глубокий вдох, наполнив легкие воздухом, как учили на йоге, а потом протянула руку, чтобы взять с тумбочки телефон. Но, отключая будильник, обратила внимание на нечто странное на экране, на секунду промелькнувшее перед глазами прежде, чем он погас.

Вообще-то она запрещала себе смотреть в телефон, находясь в постели. Включение и отключение будильника не считалось. В ее новой жизни нельзя пользоваться мобильным в кровати, ванной и за обеденным столом. И все же она не

смогла удержаться, набрала код и разблокировала телефон.

Она несколько раз посмотрела на экран, но так и не смогла ничего понять.

Для постороннего человека, который не знал, как выглядит ее комната, в фотографии не было ничего необычного или неприятного. Но она-то знала, и чем дольше смотрела, тем сильнее ею овладевала паника. Вскоре ей стало трудно дышать из-за боли в груди.

Сначала она подумала, что это вообще не ее телефон. Но трещина в верхнем левом углу, которая осталась после того, как она как-то раз его уронила, и западавшая вот уже несколько недель кнопка включения говорили об обратном.

Все было как обычно.

Все, кроме обоев на главном экране.

Там должна была стоять фотография Смилла, ее бостон-терьера, который умер три года назад от гипертрофической кардиомиопатии. Но его там не было.

Зато была фотография ее самой.

Фото, на котором она спала у себя дома, в собственной кровати, в той футболке, которая сейчас была на ней надета. Пятно от зубной пасты, которое она поставила вчера вечером, тоже было на футболке. Все это могло означать только одно – кто-то сфотографировал ее этой ночью. Кто-то был в ее квартире.

Может, это какая-то техническая ошибка? Или новая функция камеры, которая сама по себе сфотографировала

ее, пока она спала? Нет, чушь какая-то. Кто-то точно был здесь.

Может, кто-то решил пошутить таким образом? Кто-то из приятелей, бывавших у нее ночью за последние годы, мог сделать дубликат ключей от квартиры. Как она могла этого не заметить? Или это предупреждение от кого-то с работы о том, что она слишком далеко зашла?

Вопросы кружились в голове. Конечно, среди коллег встречались разные личности, в том числе, достаточно язвительные. Но, как ни старалась, она не могла вспомнить кого-то настолько безбашенного, чтобы придумать такое.

И вдруг ей пришла в голову мысль.

А что, если он до сих пор в квартире? Что, если стоит за дверью ее спальни и ждет, когда она выйдет? Или он вообще в спальне...

Она попыталась успокоиться и убедить себя в том, что зря паникует. Попытка не удалась. Если она решится встать с кровати, то нужно взять что-то для защиты. Точно не подушку или одеяло. Возможно, настольную лампу. Это был далеко не идеальный вариант, но больше ничего на близком расстоянии от кровати не было.

Можно подумать, она могла защитить себя от нападения сумасшедшего, пробравшегося в ее квартиру! Кого она хочет обмануть? Да ее бросало в дрожь от одного вида маленького паучка. Накинуться на кого-то во время совещания, бравируя убедительными аргументами, – это одно дело. Совсем

другое – физическое насилие.

Но был ли у нее выбор? Хоть какой-нибудь.

Она перевернулась на другой бок, очень осторожно и почти бесшумно, взялась обеими руками за верхушку прикроватной лампы и дернула что есть силы. Два винта оказались вырванными из стены, а на черную наволочку посыпалась пыль от штукатурки. Затем она вытащила вилку из розетки на стене, намотала провод на левую руку, а правой взялась за основание лампы. Только теперь она осмелилась встать с кровати.

Пuls стучал в висках, надо было что-то делать. Она села на корточки, а потом заглянула под кровать. Кроме весов и ящика на колесиках с секс-игрушками там ничего не было. Она не могла в это поверить. С другой стороны, она все еще не верила в то, что кто-то реально мог сфотографировать ее ночью на ее собственный телефон.

Она поднялась с пола, подошла к шкафчику, в котором хранилось все для уборки, и распахнула дверцу. Но и там никого не было. Сменив лампу на металлическую трубу от пылесоса, она осмотрела остальные шкафы.

Кто бы это ни был, в спальне его не было. Осознав это, она почувствовала небольшое облегчение. Казалось, можно оставаться в спальне, и все будет хорошо.

Конечно, у нее был телефон – можно кому-то позвонить. Только вот кому... Гиттан, которая некогда была ее лучшей подругой? Но они разругались и не общались с позапрошло-

го Рождества, когда она оказалась больше не в силах слушать ее советы на тему того, что должна решиться и найти мужчину, чтобы жить с ним под одной крышей. На работе тоже не было никого, кому она могла бы довериться. Там такой звонок приняли бы за проявление слабости, а она ну никак не могла сейчас позволить себе быть слабой в их глазах.

Еще она могла позвонить в полицию. Но они бы сразу спросили, находится ли сейчас преступник в ее квартире. Она аккуратно толкнула ногой дверь спальни, та бесшумно открылась.

В квартире было очень тихо. Слишком тихо, как она потом подумала. Как будто движение на улице Йернвэгсгатан, находившейся через несколько кварталов от ее дома, остановилось, и старик в квартире под ней в первый раз в жизни выключил телевизор. Как будто специально, чтобы подчеркнуть всю серьезность ситуации и заставить ее еще больше волноваться.

Она сделала шаг по направлению к гостиной и осмотрелась. Угловой диван у окна стоял так же, как обычно. То же касалось кресла, книжной полки и обеденного стола, находившихся в другом углу. За ними невозможно было спрятаться, поэтому она осторожно пробралась дальше в прихожую, а потом и в кухню.

Но и там все выглядело так же, как она оставила прошлым вечером. Посуда, вымытая после ужина, стояла на сушилке. Мешок с пластиковыми отходами лежал на полу и ждал, ко-

гда она придет и отнесет его к мусоропроводу по пути к машине. Дверь в кладовку она открыла скорее просто для успокоения.

После этого включила свет в ванной и увидела, что брошенные вчера на пол трусы остались на своем месте, а штора в ванне задернута. Она сама ее задернула или там кто-то был в этот момент?

Приготовившись нанести удар трубой от пылесоса, подошла и отдернула штору.

Там никого не было.

Может, она действительно случайно сделала селфи во сне? Это бы ее не удивило. С тех пор как у нее появился новый телефон с фронтальной камерой, она сделала целую кучу селфи. Ей даже начали приходить предупреждения о том, что свободное место в телефоне заканчивается. Вероятно, у всего этого должно быть какое-то разумное объяснение. Скорее всего, она настолько переживала из-за предстоящего совещания, что любовь к фотографированию себя приняла размеры настоящего помешательства.

Пuls наконец начал приходить в норму. Немного успокоившись, она отложила трубу от пылесоса, сняла футболку и залезла в ванну. Задернув штору, включила воду и подождала с переключением на душ до тех пор, пока вода не нагрелась до нужной температуры.

Ей нравилось принимать душ с горячей водой, поэтому она повернула кран в нужную сторону. Она могла стоять под

горячими струями сколько угодно, а сегодня утром именно этого ей больше всего и хотелось. Казалось, будто каждая капля смывала с ее тела оставшееся беспокойство.

Она выключила воду и хорошенько вытерлась, прежде чем вылезла из ванны. Зеркало, как обычно, запотело, и несмотря на то, что делать этого не стоило, она протерла его полотенцем.

Послышался такой громкий крик, что в ушах зазвенело. Нечеловеческий вопль, как будто из ниоткуда. Только спустя несколько мгновений она поняла, что вопила сама. Теперь крик будто замер. А зеркало снова начало запотевать, делая изображение все более размытым.

Несмотря на это, там можно было увидеть, что большая часть ее челки была отрезана.

2

В ЭТОМ ТВОЯ *вина...*

Звук летящей пули напомнил ему свист стрелы. Ни треска, ни шороха, только бесшумно раздвигающийся перед ней воздух. Звук был отдаленно похож на тихий хлопок при открытии новой тубы с теннисными мячами.

Все это...

Матильда, его дочь, схватилась за живот и с ужасом смотрела на темно-красное пятно, которое все увеличивалось на ее футболке. Растерянность во взгляде и руки в крови, когда

она падала на белый ковер.

Твоя и больше ничья...

Все произошло чудовищно быстро, и все же Фабиан Риск и сейчас мог представить перед собой кадр за кадром всю картину событий.

Свои руки, в которых, наконец, оказался пистолет. Спущенный курок. Кровь, сочившуюся из раны на лбу нападавшего. Осознание того, что все кончено. Слишком поздно. И, наконец, слова сына, которые будут преследовать его всю жизнь.

Слова о том, что это он во всем виноват. Он один.

И это была чистая правда.

Выстрел, забравший жизнь Матильды, оказался полной неожиданностью, несмотря на все предупреждения, которые он получал. Он проигнорировал их все и торопился закончить расследование, абсолютно не думая о последствиях.

Теперь он сидел в первом ряду с Теодором с одной стороны и Соней с другой. На нем был темный костюм, который он не надевал с тех пор, как присутствовал на похоронах датчанки Метте Луизе Рисгор в церкви Леллинге два года назад. Только на этот раз его собственная дочь лежала в детском, непривычно коротком гробу под венками из живых цветов.

Но чувство вины было таким же сильным, как и в тот раз.

Его вины.

Рядом с ним плакала Соня, а с другой стороны было слышно, как Теодор пытался сдерживать рыдания. Сам он

ничего не чувствовал. Казалось, что он израсходовал все эмоции в постоянно сменявших друг друга переходах от надежды к отчаянию, в которых пребывали они с Соней последние четыре недели, дежуря в больнице у дочери.

Его дочь была убита прямо у него на глазах, а все, что он чувствовал сейчас, – стресс от того, что ни чувств, ни эмоций внутри не осталось. Он не слышал слова священника. Они словно кружились вокруг него и сливались воедино, несмотря на микрофон и динамики.

– Ты же знаешь, что это твоя вина?

Голос был таким тихим, что было непонятно, откуда он слышался. Он повернулся к Теодору.

– Извини, что ты сказал?

– У тебя со слухом плохо? Я сказал, что это твоя вина! – Теодор заговорил так громко, что священник умолк.

– Теодор, не сейчас, – выдавил он из себя. – Мы поговорим об этом позже.

– Почему это? – спросила уже Соня, и теперь все собравшиеся слушали их разговор. – Уже слишком поздно. Ты вообще ничего не понял? Нашей дочери больше нет.

Она разрыдалась.

– Соня, пожалуйста... – Фабиан обнял жену, но она убрала от себя его руки.

– Тео прав. В этом только ты виноват!

– Именно! Так что даже не пытайся оправдаться, – слышался еще один голос за его спиной.

Он обернулся и увидел, что это была его начальница, Астрид Тувессон, сидевшая вместе с коллегами – Ингваром Муландером, Утесом и Ирен Лильей. Он хотел было сказать, что ей не стоит вмешиваться в их дела, но его прервали звуки органа, который начал играть следующий псалом, после чего все собравшиеся встали и начали петь.

Сам он был не в силах встать и остался сидеть, блуждая взглядом по всем окружавшим его людям. Пели все, кроме Муландера. Он лишь шевелил губами. Казалось, он что-то говорил. Может, он пытался что-то сказать ему?

Фабиан показал на себя. Муландер кивнул, наклонился и прошептал прямо ему в ухо:

– Перестань.

– Что перестать? – переспросил Фабиан.

– Перестань пытаться кому-то что-то доказать. Ты никогда не сможешь этого сделать. – Муландер высунул язык и изобразил повешенного, а потом рассмеялся. Его смех заглушил микрофон священника.

Фабиан все глубже погружался в состояние тревоги. Какое-то назойливое пиканье заставило его наконец открыть глаза и осознать, что он находится не в церкви, а в больнице, в палате, в которой они с Соней по очереди дежурили последний месяц. Единственным, что он не узнавал, была

грязно-белая штора, которая загораживала от него кровать Матильды.

С той стороны послышались голоса, и он поднялся с кресла, отодвинул штору, и увидел, как одна из трех медсестер нажимает на кнопки пищущего измерительного прибора. Две другие медсестры стояли рядом с кроватью, контролируя пульс Матильды и проверяя зрачки.

– Что произошло? – спросил он, но не получил ответа. – Извините, кто-нибудь может мне объяснить, что здесь, черт возьми, происходит?!

Внезапно пиканье прекратилось, и наступила давящая тишина. Медсестры обменялись взглядами, и Фабиан пытался понять по их лицам, контролировали ли они ситуацию.

И вдруг Матильда закашлялась и открыла глаза. Его любимая малышка, которая была в коме целую вечность, наконец открыла глаза и с недоумением смотрела по сторонам. Из его глаз побежали слезы. Они как будто ждали нужного момента, чтобы выплеснуть всю боль, копившуюся у него в груди.

– Привет, Матильда. Как ты себя чувствуешь? – спросила одна из медсестер, улыбнувшись девочке.

Матильда посмотрела на женщин, но ничего не ответила.

– Матильда, ты проснулась! – Фабиан подошел к кровати и взял ее за руку. – Ты проснулась! Ты понимаешь это? Ты выжила. – Он обернулся к одной из медсестер. – Это ведь правда? Теперь она поправится?

– Обязательно, – сказала женщина, а две другие согласно закивали. – Все показатели на это указывают.

– Слышишь, Матильда? Все будет хорошо! – Он погладил ее по щеке, но она отвернулась. – Матильда, что такое? Ты разве не слышала? Ты поправишься!

Девочка покачала головой. Она была готова расплакаться в любой момент.

3

Инспектор Ирен Лилья все еще ощущала пульсирующую волну удовольствия внизу живота. Она надела шлем, села на свой недавно полученный из ремонта «Дукати» и умчалась прочь, быстро переезжая лежащих полицейских. Только благодаря совершенно фантастическому примирительному сексу она до сих пор не бросила Хампуса. Лишь в такие моменты он был невероятно страстным и в то же время нежным и заботливым.

Но скандалили они все чаще. О чем бы они ни говорили, ссора все время случалась, рано или поздно. Не имело значения то, что в целом они были единого мнения о чем-то, во время спора они все равно находились по разные стороны баррикад, даже если это касалось того, о чем она думала давно.

В общем-то, Хампус не был алкоголиком, но количество коктейлей по выходным все увеличивалось, а банка пива

грозила стать естественным продолжением его правой руки, как только он приходил с работы.

Конечно, алкоголь помогал пробуждать в нем страсть, но, когда она начала выливать в раковину одну банку пива за другой, его темперамент открылся с совершенно новой стороны.

Он никогда не бил ее, но вчера вечером она в первый раз серьезно испугалась за свою жизнь. Ярость в глазах, когда она, несмотря на его протесты, вылила еще одну банку, заставила ее всерьез задуматься над тем, чтобы раз и навсегда уйти от него.

Телефонный звонок застал ее на пути в полицейское управление Хельсингборга. Только что она мечтала о целых тридцати минутах одиночества в компании «Дукати». Но ее мечта быстро разбилась о суровую реальность: в Бьюве по пути в школу пропал одиннадцатилетний сирийский мальчик. Новость не оставила ей выбора.

Обгоняя «Приус», который упрямо соблюдал положенный скоростной режим, она думала о том, что, если бы мальчик был шведом, она могла бы спокойно оставить это дело обычным полицейским. Они наверняка выяснили бы, что ребенок просто прогуливал уроки и потихоньку курил где-нибудь в кустах с другом.

Но после жестокого убийства в соседнем районе Клиппа, которое произошло двадцать лет назад, проявления расизма и ксенофобии встречались все чаще и чаще. Тогда неона-

цист Пьер Юнгтрен, со свастикой на руке и ножом-бабочкой в кармане, случайно увидел темнокожего Герарда Гбейо, догнал и зарезал его прямо на улице.

Конечно во всей Швеции есть неонацисты и правые экстремисты, но именно в Сконе их точно больше всего. Муниципальные политики, конечно, могут пытаться замазать расистский штамп и сколько угодно говорить о Сконе как о самой зеленой провинции Швеции. И тем не менее, провинция была скорее самой темнокожей, согласно опросам общественного мнения.

Сама она была с этим абсолютно согласна, и когда Хампус обрадовал ее в день рождения подписанным договором купли-продажи, она просто пришла в бешенство. Дом находился в Персторпе, но для нее не было большой разницы. Одна только мысль о переезде на деревенскую улицу, где все ходят в носках без пятки, поднимают флаг Сконе и считают растущую иммиграцию самой большой угрозой для нации, могла испортить ей настроение.

К тому же она вообще никогда не хотела покупать дом, и тот факт, что Хампус хотел выставить выплаченный им задаток как подарок, вывел ее из себя еще больше. Он сделал все у нее за спиной и просто поставил перед фактом, по сути осуществляя собственную мечту о доме с большим садом.

С тех пор прошел год, и она злилась уже не так сильно, хотя этот одноэтажный красный дом до сих пор оставался одним из самых безвкусных зданий, которые она когда-либо

видела. Не стало лучше и от того, что Хампус как ненормальный носился с садовыми ножницами и в конце концов придал каждому кусту можжевельника форму шара, а в некоторых особенно неудачных случаях – мужского полового органа.

Тем не менее, соседи по улице оказались очень милыми людьми, хотя она видела их крайне редко. Она не заметила никого в старомодных носках без пятки, и ей не пришлось слушать всякую чушь о «понаехавших». Персторп оказался одним из немногих районов, где деятельность правых экстремистов пошла на спад в последние годы. Какова была ситуация в Бьюве, она не знала, хотя скорее всего ненамного хуже, чем в Шебо, Треллеборге или Ландскруне.

И все же на Гуннарторпсвэген она свернула, ощущая некоторое беспокойство. Припарковав мотоцикл у заезда на улицу Винтергатан, она направилась к белому трехэтажному зданию.

Все было спокойно. Мужчина в спортивных штанах и черной толстовке, стоявший у фонарного столба, говорил по-арабски по телефону, ожидая, пока собака на поводке закончит свои дела. Еще дальше переходил дорогу долговязый мужчина, он обогнал молодую маму с коляской. Скорее всего, направлялся в торговый центр «Бьюв», который без особых усилий выиграл бы конкурс на самое унылое место в Швеции.

Вход белого цвета с разноцветными точками, как будто

художник специально разбрызгал краски. Скорее всего, для того, чтобы, даже будучи свежеевыкрашенными, стены выглядели немного грязноватыми. На доске – примерно одинаковое количество шведских и иностранных фамилий.

Муниф Ганем, так звали мальчика, жил на самом верхнем, третьем этаже вместе с Аймаром, Аденой, Басселем, Джоди, Ранимом, Розаритой и Низаром. По крайней мере, именно эти имена были написаны на двери с помощью сплавленных бусин разного цвета.

Ирен несколько раз позвонила в дверной звонок, но реакции не последовало. Тогда она открыла дверь и вошла в прихожую, в которой был хаос из обуви и одежды. В одной из дальних комнат слышались возмущенные голоса вперемишку с плачем и рыданиями.

Родители сидели за обеденным столом в загроможденной вещами и посудой кухне. Мать, в длинном темном платье и сиреневой шали, закрывавшей все, кроме лица, плакала, несмотря на все попытки мужчины утешить ее. На столе среди нарезки, сока и прочих остатков от завтрака лежало несколько карт Таро, а на одеяле на полу малыш играл с набором кухонных принадлежностей.

– Здравствуйте. Вы, должно быть, из полиции?

Лилья обернулась и увидела женщину лет шестидесяти пяти с седыми, коротко стриженными волосами, энергично вошедшую в кухню.

– Ингрид Самуэльссон, – представилась она, протянув ру-

ку. – Это я позвонила в полицию и подала заявление. Я живу в квартире напротив.

– Тогда не могли бы вы рассказать, что же произошло?

Женщина обменялась взглядом с матерью мальчика, которая кивнула ей.

– Пол девятого ко мне пришла Адена, она была очень обеспокоена. Учитель Мунифа позвонил ей и спросил, почему мальчик не пришел в школу.

– А почему вы решили, что с ним случилось что-то серьезное? Может быть, он просто прогуливает школу?

– Прогуливать? Я не понимаю, – сказала мать, пытаюсь успокоиться.

– Она имеет в виду, что Муниф мог просто не пойти в школу.

Мама мальчика, казалось, не поняла, о чем речь.

– Но Муниф никогда... Он очень хорошо учится. Ему там очень весело.

Женщина кивнула и снова повернулась к Лилье.

– Адена права. Я тоже в этом уверена, так как сама работала учительницей и иногда помогаю ему с домашним заданием.

– Я понимаю. Но ему же всего одиннадцать. Может, он просто заигрался где-то с другом и забыл о времени?

– Карты говорят о другом, – сказала мама мальчика.

– Какие карты?

– Карты на столе. – Мама мальчика указала на карту, на

которой был изображен скелет, одетый в рваную черную монашескую рясу. – Они говорят, произошло что-то ужасное. – Она закрыла лицо руками, сдерживая рыдания.

– Я правильно поняла, вы позвонили в полицию потому, что карты показали...

– Простите, я могу сказать одну вещь? – перебила ее пожилая женщина, встав между Лильей и матерью Мунифа. – Если честно, то я тоже не думаю, что произошло что-то ужасное. Ваше предположение вполне верное – он ходил в школу в сопровождении Самиры из соседнего дома. А она может и хорошая девочка, но думает о чем угодно, только не об уроках.

– И все же вы позвонили в полицию. Как будто нам больше нечем заняться.

– А что мне было делать? Она была крайне взволнована. Вы же сами видите. – Женщина обернулась и показала на маму мальчика, тихо плакавшую в стороне.

– Мы даем им крышу над головой и пособие, чтобы они могли здесь жить. Но как они смогут почувствовать себя как дома, если мы не будем проявлять участие? Только на это я и надеялась, что кто-то из ваших приедет, и они поймут, что нам не все равно.

Лилье стало стыдно. Не перед женщиной, а перед собой. Она ведь всегда считала себя лучше других только потому, что голосовала за левых и сразу отправляла деньги в благотворительные организации, когда случалось что-то ужасное,

и это показывали по телевизору. На самом деле она была такой же как все, ей было, по большому счету, все равно.

– Вы правы, – сказала она. – Простите.

Она достала блокнот, подошла к родителям и села на корточки рядом с ними.

– Меня зовут Ирен Лилья, я работаю в полиции Хельсингборга, и я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы Муниф благополучно вернулся домой.

– Большое спасибо, – сказала мама мальчика и вытерла слезы. – Аймар плохо говорить по-шведски, но он тоже рад, что вы пришли.

Она обменялась взглядом с мужем и улыбнулась ему.

– Прежде всего мне понадобится фотография вашего сына.

– Я возьму это на себя, – сказала пожилая соседка и вышла из кухни.

– Не могли бы вы описать, во что он был одет, когда выходил из квартиры?

– На нем был красный брюки и голубая куртка с пуговицами с Человеком-пауком.

– Вы не заметили что-нибудь необычное в его поведении?

– Нет, все было как обычно. Он у нас такой добрый. – Мама мальчика только покачала головой.

Отец мальчика сказал что-то на арабском.

– Муниф не хотел выкидывать пустые бутылки. Но я сказала, что помогать должны все. Все шведы сортируют мусор,

и мы должны это делать. И он взял их, хоть и не хотел.

– А эта Самира, где она живет?

– В доме напротив, этажом выше. – Женщина указала на соседний дом.

– Учитель не сказал, она была в школе?

– Я не знаю. Я так перепугалась, что забыть спросить.

Лилья кивнула и положила руку на плечо женщины, пытаясь утешить ее. В этот момент вошла соседка, державшая в руках школьное фото гладко причесанного мальчика в красивой белой рубашке, жилетке и бабочке.

– Он рассказывал мне, как сам выбирал одежду и приводил себя в порядок, чтобы понравиться Самире, – рассказала соседка тихим голосом. Мама мальчика зажгла благовония и начала перемешивать колоду карт. – Я думаю, они немного влюблены друг в друга.

Лилья поспешно спустилась вниз по лестнице. Ей нужен был глоток свежего воздуха. Скорее всего, ей стало так плохо от запаха благовоний, и когда мать мальчика задала картам вопрос о том, как нужно поступить с расследованием, пришлось выйти из квартиры.

Как показывала практика, мальчик должен был через некоторое время сам вернуться домой, и обязательно нашлось бы разумное объяснение тому, почему он пропал. Но она обещала связаться со школой, Самирой и ее родителями, и, если бы и это не прояснило ситуацию, планировала привлечь локальную полицию Бьюва и попросить их объявить

мальчика в розыск.

Она увидела вывеску и подумала о другом. Вместо того чтобы спуститься на улицу и подышать свежим воздухом, открыла металлическую дверь и оказалась рядом с лестницей в подвал.

Центр переработки отходов.

По словам матери, Муниф пошел туда с пустыми бутылками, и Лилья надеялась найти след, указывавший на то, куда дальше мог отправиться мальчик.

Люминесцентная лампа на потолке зажглась автоматически, когда она вошла в помещение и огляделась. Кроме нескольких контейнеров на колесах, выстроившихся вдоль грязных бетонных стен, в помещении было пусто и тихо. Там никого не было. И все же она решила открыть контейнеры один за другим и порыться среди картонных коробок, газет и липкой пластиковой упаковки.

Нигде не было видно следов мальчика. До тех пор, пока она не включила фонарик в мобильном телефоне и не осветила им под одним из контейнеров. В этот момент она осознала, что ошибалась, в то время как мама мальчика и карты были абсолютно правы.

Маленькая пуговка с красно-синим супергероем лежала под контейнером со стеклянной тарой всего в десяти сантиметрах от края. Была ли она плохо пришита или кто-то схватил мальчика? Кто-то из жителей этого дома, зашедший в помещение в тот момент, когда мальчик был здесь со своими

пустыми бутылками.

Она вернулась ко входу в дом и подошла к списку жильцов, одновременно доставая телефон в поисках номера Сверкера Хольма по прозвищу Утес.

– *Привет! Как дела? Я слышал, ты задержалась в моем милом родном городке.*

– Еще не известно, милый он или уже нет. Мне нужна твоя помощь – надо проверить всех жильцов одного из домов.

– *Не вопрос. Какой адрес?*

– Улица Винтергатан, 2А.

– *О, это мои родные места! Если хочешь знать, я сделал свои первые шаги во дворе дома номер восемь по улице Трумпетгатан всего в нескольких минутах оттуда! Конечно, со временем там многое изменилось, но...*

– Утес, не сейчас! – прервала его Лилья и подумала, что лучше бы позвонила Астрид Тувессон или Ингвару Муландеру.

– *Окей, но ты скажи, если понадобится помощь с выбором местечка для обеда. Я вот всегда буду только за «Шницель и...»*

– Утес, твою ж мать! – Ее голос был слышен на пролет выше, и она постаралась говорить тише. – Я подозреваю, что он может все еще быть в доме у кого-то из соседей, и не знаю как ты, а мне совсем не хочется прийти слишком поздно.

– *Во всяком случае, осужденных за педофилию в списке жителей точно нет,* – сказал Утес таким тоном, что нетруд-

но было понять — он обижен.

— Будет достаточно и кого-то, кто находился под подозрением, — ответила Лилья таким тоном, который ясно давал понять — ей было плевать на то, что он обиделся.

— И таких тоже не имеется. Но там есть человек, который работает в детском саду в Солросене недалеко от...

— Имя есть? Мне нужно имя.

— Если ты только дашь мне договорить, то я скажу: его зовут Бьерн Рихтер, ему тридцать два года, и он живет один со своими...

— С кем он живет? — Взгляд Лильи упал на темно-коричневое пятно на стене у лестницы, которая вела в подвал.

— Подожди, мне надо проверить, он ли это.

Она видела это пятно и раньше. Но тогда она подумала, что это одно из тех дурацких пятен, которые так ее удивили.

— Да, точно. Это что-то ужасное...

— Утес, ты можешь уже рассказать, чем ты там занимаешься?

Но именно это пятно было немного больше остальных и размазано только с одной стороны. Это указывало на то, что оно появилось позже.

— Да, я только...

Конечно она не могла быть ни в чем уверена. Нужно было взять образец и отправить Муландеру на анализ. Но во всяком случае, было похоже на то, что это кровь. Если это кровь мальчика, то, судя по расположению пятна, они вышли не

через центральный вход, а спустились в подвал, поэтому она двинулась туда же, понимая, что разговор с Утесом временно прервался.

Как и в центре по переработке отходов, дверь в подвал была приоткрыта, и здесь так же сразу зажегся свет, когда она подошла ближе.

«Кладовая» – было написано на серой металлической двери слева. «Электрощитовая» – на двери прямо перед ней. Обе двери закрыты на замок. Справа – еще две двери, одна из которых была открыта.

По пути к последней двери она прошла мимо магнитной доски, на которой жильцы могли забронировать время стирки, передвигая по схеме каждый свой маленький замочек. Конечно, там прачечная, и судя по звуку, как минимум одна из стиральных машин была запущена.

Лампы на потолке зажглись, и она сразу отметила, что прачечная имеет такую же планировку, что и та, которая была в доме, где они с Хампусом жили в Хельсингборге до переезда в дом в Персторпе. Три машины в ряд, сушилка, сушильный шкаф, а также гладильная машина, которой никто не пользовался.

Работала самая дальняя из трех стиральных машин. Она была намного больше двух других, и в ней без проблем можно было бы постирать большой ковер или тройной комплект постельного белья за один раз. У них в Хельсингборге стояла точно такая же, и одно только это могло служить поводом

для возвращения.

Она не нашла больше пятен или других следов мальчика в прачечной. Поэтому вышла обратно в коридор и двинулась по направлению к лестнице, решив, что еще раз попытается открыть дверь в кладовую. И у родителей мальчика, и у соседки должны иметься ключи, которыми ее можно открыть.

Но услышав, как стиральная машина набирает обороты и начинает отжим, она вдруг поняла, что именно не сходилось. Остановилась и еще раз посмотрела на магнитную доску. Сегодня среда, 13 июня, но ни один промежуток времени под цифрой тринадцать не был занят чьим-то замочком.

Другими словами, никто из жильцов не бронировал время для стирки на сегодняшний день.

4

Гудки в гарнитуре раздавались с такими длинными интервалами, что казалось, будто кто-то намеренно изменил их длину только для того, чтобы он понервничал. В первую попытку позвонить две минуты назад гудки перешли в сигнал «занято». Но не на этот раз, теперь они все звучали и звучали, и Фабиану пришлось начать ходить взад-вперед по коридору больницы рядом с комнатой Матильды, чтобы хоть немного успокоиться.

– *Привет.*

Он не сразу понял, что это не очередной гудок, а голос

Сони.

– Соня, знаешь, что произошло?

– Э, что?

– Тогда присядь и послушай меня, это...

– *Фабиан, извини, но я тут кое-чем занята. Это важно?*

– Это очень важно. Я хотел сказать, что...

– *Мы закончили или как? Мне, вообще-то, пора валить,* – послышался голос Теодора.

– *Ты должен остаться и послушать меня.*

– *Нахрена? Если ты и папа все равно...*

– *Тео, ты никуда не пойдешь!*

– Соня, что произошло?

Послышался долгий вздох.

– *В общем, я была в его комнате, хотела забрать грязную одежду и поменять постельное белье. Господи, ты бы видел, что там творится. Ну, в общем, я нашла два... – Она замолчала. – Ты знаешь, я думаю, мы это потом обсудим... Лучше расскажи, что там у тебя такое важное.*

Фабиан забыл, зачем звонил жене, но сразу вспомнил, увидев, как медсестры по обе стороны от кровати Матильды берут анализы и проверяют показания приборов.

– Она пришла в себя. Матильда наконец-то пришла в себя.

– *Что, правда? Но... Это правда? Как она себя чувствует?*

– Думаю, хорошо. Во всяком случае, учитывая то, что произошло. Так они говорят. Все показатели в норме. Но

мне кажется... – Он замолчал, пытаясь подобрать правильные слова.

– Может, это только мне так кажется, но...

– *Я сейчас приеду.*

Еще до того, как Фабиан осознал, что Соня положила трубку, он увидел перед собой одну из медсестер.

– Мы оставляем вас одних. Если что-то случится – сразу же звоните.

Фабиан кивнул, подождал, пока все уйдут, и только тогда положил телефон в карман и вернулся к Матильде, которая лежала на больничной койке, глядя прямо перед собой. Он откашлялся, но никакой реакции не последовало. Попробовал еще раз, но она как будто даже не заметила его присутствия. Если бы она периодически не моргала, он подумал бы, что случилось что-то совсем ужасное.

Он пододвинул один из стульев к кровати и сел.

– Привет, Матильда, – сказал он и очень аккуратно взял ее ладонь, стараясь не дотрагиваться до иглы от капельницы, которая была приклеена пластырем к тыльной стороне руки. – Как ты?

Через некоторое время она повернула голову, как будто только что сделала над собой усилие, и смерила его точно таким же взглядом, каким смотрела, когда только пришла в себя. Ее взгляд, спокойный и серьезный, во всех отношениях был совершенно не похож на игривый и пытливый взгляд Матильды, которую он знал. И именно это его и беспокоило.

Не было сомнения, что перед ним лежала Матильда. Но проблема в том, что взгляд был совсем не ее.

– Я не знаю, помнишь ли ты, что именно произошло, – начал он, на самом деле не имея никакого представления, что говорить дальше.

– Я помню, – сказала Матильда, и он сразу понял, что картина событий у нее в голове была такой же полной, как и у него.

Преступник, должно быть, проник в дом и застал их врасплох, ее и подругу Эсмаральду. Может быть, они были внизу в подвале, проводили один из своих сеансов. Затем нападавший заставил их подняться в гостиную и сесть на диван вместе с Соней, ожидая возвращения Фабиана домой.

Он, ее отец, который должен был стать ее защитой, но так часто оказывался где-то в другом месте, даже когда находился дома. Он, который, как только появился, не отреагировал на первое предупреждение, а понял, что все серьезно, только когда было слишком поздно. Когда пуля уже вошла ей прямо в живот и заставила ее, истекающую кровью, упасть на ковер.

– Прости меня, – сказал он, но сразу пожалел о своих словах. Как она могла простить его?

– Ты сделал все, что мог, – ответила она слабым голосом. – Как ты мог сделать больше?

Он точно не ослышался? Это сказала его Матильда?

– Проблема не в этом, – продолжила девочка. Казалось, она сейчас заснет.

– Не в этом? Тогда в чем? Матильда, расскажи мне, тогда я смогу чем-то помочь.

– Ты ничего не можешь сделать. Как и многое другое, это не в твоей власти.

– Ничего не понимаю. В чем же проблема? Ты жива, врачи говорят, что ты сможешь полностью восстановиться. – Он взял ее вторую руку. – Одно только то, что ты лежишь здесь и разговариваешь со мной – это уже счастье!

– В этом-то и проблема. – Она вздохнула и закрыла глаза. – В том, что я выжила.

– Матильда, послушай меня. Ты же не думаешь, что я... Мы с мамой, которая, кстати сейчас едет сюда, любим тебя больше всего на свете. Надеюсь, ты это понимаешь. Ничто не может сделать нас счастливее, чем то, что ты пришла в себя.

Матильда покачала головой.

– Не в этом дело.

– Ладно. – Он попытался снова встретиться с ней взглядом, но в этот раз она отвела глаза в сторону. – Ты не могла бы рассказать мне, в чем дело?

– Ты все равно не поймешь.

– Почему бы не дать мне шанс? – Как бы сильно он ни хотел, чтобы она доверилась ему, он принял бы ее молчание. Это он впустил чудовище в их дом.

– Грета. – Слово было произнесено так тихо, что Фабиан не был уверен, правильно ли он расслышал.

– Грета?

Матильда сглотнула.

– Воды... Можно мне попить?

Фабиан поспешил к раковине, наполнил пластиковый стаканчик водой и помог ей напиться.

– Правильно ли я тебя понял? Эта Грета. Это тот самый призрак, который вы с Эсмаральдой видели в подвале?

– Не призрак. – Матильда покачала головой. – Дух. Она сказала, что кто-то в нашей семье скоро умрет.

Фабиан с самого начала считал эти игры с духом в подвале плохой идеей, а теперь все это настолько вскружило ей голову, что это было первым, о чем она подумала, когда очнулась.

– Но, дорогая, ты же выжила.

– Но если не я... То это будет кто-то из вас...

– Матильда, послушай меня. То, что случилось, не должно было произойти. Это даже близко не должно было случиться. И все же это произошло, и ответственность за это лежит не на вас, не на каком-то духе, называющем себя Гретой, не на какой-либо другой воображаемой фигуре из ваших игр. Она лежит на мне. Это я несу...

– Никто не виноват в том, что произошло, – прервала его Матильда. – Она просто знает, что должно случиться, вот и все. – Одинокая слеза покатилась по ее щеке.

Фабиан обнял ее.

– Матильда, не то чтобы я не понимаю твоего беспокойства. Наоборот. Ты, очевидно, веришь в это. Но попытайся представить, что это был сон.

– Сон? Нет, это не сон.

– В каком-то смысле так оно и есть. Проблема в том, что ты этого не видишь. Как ты можешь это сделать? Как ты можешь знать, что на самом деле просто спишь?

Ее веки становились все тяжелее и тяжелее. Но губы шевелились, и, чтобы расслышать, что она сказала, он наклонился к ней.

– А если это ты спишь?

5

Несмотря на лампы на потолке, вспышки камеры Лилии было достаточно, чтобы ее собственная тень стала видна на белой стене. За шесть лет работы детективом в убийном отделе она успела повидать много такого, что могло вызвать бессонницу у кого угодно. Было все – от останков, которые пролежали так долго, что криминалисты вынуждены были соскребать их с пола, до тел, которые перенесли такие чудовищные пытки, что одна только мысль о том, чему они подверглись, причиняла боль.

Тела.

Именно так она всегда думала о них, когда находилась в лаборатории судебной экспертизы или, как сейчас, на новом месте убийства. *Тела.* Не люди с реальной жизнью, мечтами и надеждами, а просто безжизненные тела. Совокупность атомов, которые все вместе образуют единую массу. Все для то-

го, чтобы отгородиться от эмоций, сохранять хладнокровие и логичность мышления.

Но в этот раз так думать не получилось. Шок все еще держался своими когтями так глубоко в ней, что все, что она могла делать, это сидеть на стуле и смотреть на стену. Помимо ее собственной тени, которая появилась в кадре сразу же, как только ассистенты Муландера стали делать снимки, на месте преступления нашлись еще рисунки со свастикой и расистские лозунги. Хотя они были плохо видны и оказались настолько старыми, что вряд ли могли оказаться связанными с этим происшествием.

Первый раз, когда она оказалась на месте убийства, но не нашла в себе сил взглянуть на жертву. Даже ненадолго.

Это было не просто тело. Это был мальчик одиннадцати лет. У него было красивое имя, куртка с пуговицами с Человеком-пауком, друзья и товарищи. Впереди у него была целая жизнь. Мальчик, который принес с собой мешок с пустыми бутылками, чтобы отправить их в переработку по дороге в школу. Но не успел этого сделать. Кто-то напал на него и потащил в прачечную.

Она все еще с трудом могла составить точную картину того, что произошло потом, хотя описаний Муландера и двух его помощников было более чем достаточно.

– Ингвар, я не знаю. Все это ненормально.

– Фредрик, нормально это или нет, ты можешь обсудить со своим психотерапевтом или подругой, – сказал Муландер,

и голос его звучал так же сухо и спокойно, как всегда. — Теперь надо сосредоточиться на том, как вытащить тело. Или ты думал, мы просто оставим его здесь и позволим жителям продолжать пользоваться этой стиралкой?

— Нет, но я, честно говоря, не понимаю, как это сделать, не повредив тело еще больше.

— Окей. — Муландер вздохнул. Было слышно, как хрустнули колени, когда он присел на корточки. — Я предлагаю просто вытащить барабан и открыть его с помощью болгарки. Что скажешь, это тебе кажется нормальным?

— Так вот где вы прячетесь.

Лилья повернулась к Утесу, который показался в дверном проеме, и сразу же почувствовала себя немного лучше.

— Как идут дела? — продолжал он, в то время как помощники Муландера снимали заднюю крышку машины и ходили туда-сюда каждый со своим шуруповертом.

— По понятным причинам его будет сложновато вытащить. — Муландер встал и потянулся. — Но позор тому, кто сдается.

— То есть причин еще и несколько? — спросила Лилья главным образом для того, чтобы показать, что она пришла в себя.

— Да, можно и так сказать. Если быть точнее, всё дело в полутора тысячах оборотов в минуту.

— Вот черт... — покачал головой Утес. — Так и начинаешь думать, куда катится мир.

– Начинаешь? Я уже давно об этом думаю, – сказал Муландер, помогая осторожно вытащить барабан из машины и положить его на расстеленное одеяло. – Предлагаю распилить вот здесь, тогда мы без проблем сможем разломить его на две половины. Хорошо? – Помощники кивнули, и Муландер снова повернулся к Утесу и Лилье.

– Скоро здесь будет немного шумно, так что если у вас есть, что обсудить, то лучше сделать это сейчас.

– Вы нашли что-нибудь интересное?

– Не совсем. Маленький кровавый след, наверное, от мальчика. И отпечатки пальцев по меньшей мере пятидесяти человек, некоторые из которых в немного странных местах, учитывая тот факт, что сюда вообще-то приходят стирать белье.

– Двое полицейских из участка Бьюва обходят жильцов и собирают у них отпечатки пальцев, – сказала Лилья. – Посмотрим, был ли это кто-то из них.

– Значит, ты подозреваешь кого-то из жильцов, – сказал Утес.

Лилья пожала плечами.

– Я просто думаю, что одному из жильцов было бы проще это сделать, так как он знает все помещения в доме, знает, что есть такая большая стиральная машина, и у него есть ключи.

– С таким же успехом он мог воспользоваться ключом жертвы, – сказал Муландер. – Было бы интереснее, если бы

мы нашли отпечатки пальцев, которые не совпадают с отпечатками жильцов.

– А эта свастика? – Утес показал на стену позади Лили.

– Ей уже много лет.

– Но это вовсе не значит, что мотив преступления другой, – возразила Лилия.

– Ну, теперь, возможно, нам не стоит делать поспешных выводов. – Утес посмотрел по сторонам.

– Нет, мы оставим все двери открытыми и бла-бла-бла. Но затолкать мальчика, прибывшего из Сирии, в стиральную машину, разве это не проявление расизма и...

Резкий звук заглушил все остальные – болгарка разрезала пластину барабана так, что полетели искры, и единственное, что могли сделать Лилия и все остальные – закрыть уши руками и ждать, когда помощники закончат шуметь и смогут осторожно поднять барабан.

До этого Лилия даже не могла заставить себя посмотреть, а теперь ей было не оторвать взгляда от мальчика. Только его лицо указывало на то, что произошло. Закрытые глаза, видневшиеся из-под спутанных черных волос, скорее свидетельствовали о том, что он спит.

Но Муниф не спал.

Подобно зародышу-переростку, он сидел, согнувшись в позе эмбриона, сформировав почти идеальный круг. Даже две ноги были согнуты, но не в нужную сторону относительно коленей. Ноги тянулись дальше по обе стороны от головы

мимо плеч, где ступни были прижаты к телу.

Зрелище запало в душу каждому, все замерли, глядя на него. Даже Муландер казался впечатленным. Все молчали. Утес, который до этого был абсолютно спокойным, просто стоял, открыв рот, поэтому сначала показалось, что душе-раздирающий крик принадлежал ему.

Но это был вовсе не вопль Утеса, а голос женщины.

Лилья первой пришла в себя и бросилась вперед, чтобы помешать ворвавшейся матери броситься к сыну. Но женщина сопротивлялась так яростно, что только когда Утес пришел на помощь, им удалось одолеть ее и вытащить из прачечной.

– А теперь успокойтесь, – крикнула Лилья.

Но мать продолжала брыкаться и отбиваться, пытаясь освободиться от рук Утеса. Она не сдавалась в течение нескольких минут.

– Вот так, – мягко сказала Лилья, когда Утес наконец медленно ослабил хватку.

Женщина расплакалась, вскоре ее плач перешел в рыдания.

– Вот так, – повторила Лилья, нежно обнимая женщину за плечи.

– У нее шок, нужно дать какое-нибудь успокоительное, – сказал Утес, пытаясь восстановить дыхание и одновременно вытирая пот со лба. – Предлагаю больницу Хельсингборга. Так мы сможем повидаться с ней вечером после совещания

в участке.

Лилья кивнула и повела женщину по коридору подвала.

Что заставило их выбраться из своих нор? Может, сладкий запах смерти притягивал их? Или было достаточно увидеть бело-голубую ленту, трепещущую на ветру? Это она заставила людей толпиться рядом и бросать на полицейских любопытные взгляды?

Прошло всего час и двадцать пять минут с момента, как Лилья приехала. На улице было почти пусто. Теперь же она насчитала в толпе по меньшей мере сорок человек, которые жадно следили за каждым шагом ее и Утеса, когда они вели мать мальчика к машине.

К счастью, она не увидела объективов телекамер, что говорило о том, что средства массовой информации еще не пронюхали о случившемся.

– Это мать жертвы, Адена Ганем, – сказала Лилья одному из двух полицейских в форме, и уже собиралась предупредить их, что надо отвезти женщину в больницу Хельсингборга, когда увидела худого долговязого мужчину, который протиснулся в толпу с другой стороны оцепления.

Он смотрел прямо на них, но не это привлекло ее внимание настолько, что она позволила Утесу заняться матерью мальчика. Каждый в толпе смотрел прямо на них. Дело было не только в том, что она видела, как он переходил улицу, когда она парковалась, и не в его немного странной одежде: джинсах с высокой посадкой, белых как мел кроссовках и

бежевой куртке с символом «Шведских демократов» на левой стороне груди.

Дело было в улыбке.

Улыбка не сходила с его лица. В отличие от остальных людей в толпе он излучал самодовольство и злорадство. Моги преступник все еще находится здесь? В таком случае, это происходит не в первый раз. Вопреки здравому смыслу, преступники часто остаются рядом с местом преступления, чтобы поучаствовать в работе полиции и, прежде всего, оценить реакцию людей.

Она сделала несколько шагов по направлению к мужчине и сразу же заметила, как изменилось выражение его лица. На нем все еще была улыбка, но появилось беспокойство во взгляде и нервные подергивания под левой ноздрей. Секундой позже бежевый пиджак и джинсы с высокой посадкой будто растворились в толпе.

Он никуда не денется. Ни при каких обстоятельствах она не позволит ему уйти, повторяла она про себя, перешагивая через ленту оцепления и протискиваясь сквозь скопление зевак.

А вот и он. Примерно через шестьдесят метров она увидела, как он бежит через парковку рядом с торговым центром, беспокойно оглядываясь, явно проверяя, преследует она его или нет. Именно это она и делала. Вскоре она увидела, как он выбежал прямо на улицу Норра Стургатан.

У старого оранжевого «Вольво», который внезапно по-

явился слева, не было ни единого шанса затормозить.

Послышались два глухих удара, когда тело приземлилось на капот, а затем ударилось о лобовое стекло, прежде чем исчезнуть с другой стороны автомобиля, который, в свою очередь, забуксовал и остановился.

Лилья бросилась через стоянку и увидела, как открылась водительская дверь, вышел пожилой мужчина и сделал несколько шагов, чтобы нагнуться к телу, которое, вероятно, лежало рядом с машиной. Она могла только надеяться, что он выжил. Что может быть хуже, чем преступник, который трусил, сбежал и в итоге погиб, даже не успев объяснить свои мотивы.

Но, похоже, с человеком в бежевой куртке с символом «Шведских демократов» ничего подобного не случилось — она увидела, как он поднимается с другой стороны машины. Она была уже почти на месте и без труда схватила бы его.

Но вместо того, чтобы перейти дорогу пешком, он сел на водительское место и завел машину, после чего Лилья могла только разглядеть, как он нажал на газ и оставил старого владельца машины истекать кровью на асфальте.

6

Двадцать пять дней, четырнадцать часов и сорок две минуты.

Начальница криминального отдела полиции Астрид Ту-

вессон посмотрела на наручные часы и вышла из кабинета. Еще восемнадцать минут, и она побьет свой предыдущий рекорд. Хотя она была не совсем уверена в минутах. Но, по словам доктора, для начала хорошо уже то, что она определилась с конкретным временем, чтобы потом можно было считать часы. Он также утверждал, что с каждым днем ей будет все легче, и что в конце концов она даже не будет думать о том, чтобы считать часы. Но в этом он пока ошибался.

По правде говоря, она думала об этом все время. Каждый день, каждый час и минута были борьбой. Жажда, эта чертова жажда. Как же она боялась никогда ее не утолить! Сомнения, которые с каждым днем становились все сильнее... Действительно ли оно того стоило? Она никому не рассказывала об этом, даже своему спонсору.

Оказавшись на кухне, налила в термос свежесваренный кофе, достала из холодильника молоко и направилась в конференц-зал. Это был третий день ее работы после событий месячной давности. На самом деле она должна была быть на больничном еще шесть недель и могла лежать дома и читать какую-нибудь из тех книг, которые ждали своей очереди, или начать смотреть «Прослушку», о которой так много говорили.

Но жажда в сочетании с одиночеством сводили ее с ума, и она была уверена, что снова сорвется, если останется дома одна.

Здесь у нее были коллеги, которые одновременно отвле-

кали и присматривали за ней. Ей было чем заняться, хотя она могла честно признаться, что с нетерпением ждала относительно спокойных рабочих недель, особенно учитывая то, что все до сих пор были заняты последним делом, которое, без сомнений, оказалось самым трудным расследованием из тех, что она вела.

Но не слишком ли многого она хотела?

Они еще не успели собрать и заархивировать снимки с различных мест убийств, где жертвы лежали в ряд, будто это преступления против человечности, а уже пришло время вывешивать новые фотографии. На этот раз из прачечной в Бьюве, где преступник насильно посадил жертву в стиральную машину для ковров и поставил на программу полоскания.

К тому же место Фабиана пустовало до конца лета, когда он вернется из отпуска. Это было слишком долго, и она уже сейчас чувствовала, что им не хватает его способности мыслить нестандартно.

В деле было сразу понятно, что это – единичный случай, а преступник, наверняка, сумасшедший. Серийные убийцы крайне редко встречались в Швеции. Но в свете того, что страну за последние два года потрясло не одно, и даже не два дела, в которых фигурировали именно серийные убийцы, она готова была предположить что угодно. То, что оба расследования попали именно к ней, никак не облегчало жизнь.

Она собрала фотографии из старого расследования, поло-

жила в папку и начала стирать записи на магнитно-маркерных досках. В это время Утес подошел со своим ноутбуком.

– Муландер говорит, мы можем начинать без него. Он все еще в Бьюве.

– Он что-нибудь нашел?

Утес пожал плечами.

– Ты же знаешь, как он немногословен, когда в таком настроении. – Он налил себе чашку кофе и сел. – Кстати, а где Лилья?

– Уверена, будет здесь с минуты на минуту. Как у тебя все прошло? Как мама мальчика?

– Наверное, так же хорошо, как мы с тобой чувствовали бы себя, если бы наших детей нашли после полоскания в стиральной машине. – Он покачал головой. – Я только что связывался с больницей. Они дали ей успокоительное, и я уверен, что пройдет немало времени, прежде чем мы сможем с ней нормально поговорить. – Он замолчал и отпил кофе из кружки. – Обычно я без проблем понимаю, почему некоторые ведут себя так или иначе. Мотив даже самых гнусных преступлений зачастую можно понять, если сделать над собой усилие. Но это... Это не просто нездорово. Это, черт возьми, невозможно понять.

– Такой подход к делу нам не поможет, ты это знаешь так же хорошо, как и я, – сказала Тувессон, в то время как Лилья вошла с папкой в руках.

– Извините, если опоздала. Что я пропустила?

– Ничего. Мы только начали, занимаемся тем, что пытаемся понять мотив. – Утес молча кивнул.

– Что ты имеешь в виду под «пытаемся»? Если это не явный пример проявления расизма и ксенофобии, то что тогда? – Лилья налила себе чашку кофе.

– И на чем ты строишь это предположение? Кроме того, что жертва из Сирии?

– Речь идет о муниципалитете Бьюв. Разве этим не все сказано?

– Далеко не все. – Утес повернулся к Лилье. – Бьюв вовсе не самый расистский, если сравнивать с некоторыми другими муниципалитетами.

– Утес, я не хотела наступать тебе на больную мозоль. Я знаю, что ты там вырос, и что тогда там была совершенно другая атмосфера. Тогда все посмотрели «Корни» и «Линию Онедина», а эскимо «Восемьдесят восемь» стоило не больше двух двадцати пяти. Сегодня же на стенах рисуют свастику и плюют в попутчиков в автобусе, если у них другой цвет кожи.

– На самом деле, это было в Стаффансторпе, а не в Бьюве.

– Да, но догадайся, откуда был тот старый ублюдок, который это сделал.

– Ребята, я не думаю, что мы далеко продвинемся, если будем все это обсуждать. – Тувессон подошла к стене, представлявшей собой одну огромную магнитно-маркерную доску. – Думаю, вы согласны, что ксенофобия и правый экстремизм являются одним из нескольких возможных мотивов. –

Она написала это на стене.

– Другие мотивы есть?

– Ирен, ты ничего не говорила о том, что он встречается с какой-то Самирой или как там ее звали? – спросил Утес.

– Нет, я сказала, что он был немного влюблен.

– К чему ты клонишь? – спросила Тувессон.

– Я думаю, это может быть что-то связанное с честью.

Лилья как раз собиралась попробовать кофе, но снова поставила чашку и повернулась к Утесу.

– Ты хочешь сказать, что семья Самиры могла затолкать его в прачечную и засунуть в стиральную машину?

– Ирен, я так же, как и ты, считаю, что это ужасно. Но почему бы и нет? – Утес пожал плечами. – Я, конечно, не специалист по насилию.

– Да, но очень рискуешь, просто чтобы ты знал. – Лилья покачала головой и отпила кофе из кружки.

– Лучше уж так, чем оставаться слепым.

– Прости, кто здесь слепой?

– Ирен... – попробовала вклиниться Тувессон, но ей не дали и слова вставить.

– Нет уж, теперь я хочу знать, что он имеет в виду. Потому что, если выяснится, что у нас в команде скрытый расист, то пусть держится от этого расследования как можно дальше.

– Не слишком ли торопишься обвинять людей в расизме? То преступник расист, то я, – сказал Утес, указывая на себя. – Но если тебе интересно, то я не расист, и не ксенофоб.

Просто я реалист, и поэтому вижу вещи такими, какие они есть на самом деле. Что, возможно, не так уж и плохо, учитывая, какая у нас работа.

– Что, например? Что же ты видишь гораздо лучше меня?

– Факт. Факты, которые хоть и причиняют боль, остаются фактами. Например, то, что сейчас беженцы невероятно долго не попадают на рынок труда. Что все больше людей иностранного происхождения оказываются замешанными в преступлениях, связанных с избиениями и убийствами, не говоря уже об изнасилованиях и грабежах. Что многие преступные сети основываются в первую очередь на общей этнической принадлежности. Я могу продолжать, но думаю, ты уже перестала слушать.

– Нет, я вся внимание, но все же жду объяснения, как все это связано с Мунифом Ганемом и его семьей.

– Это не сложнее, чем осуществить небольшой поиск по уголовным делам и открыть глаза. – Утес повернулся к компьютеру. – Возьмем хотя бы брата жертвы Бассела Ганема, которого трижды обвиняли в нападениях, а в последний раз еще и в сексуальном домогательстве. Или старшего брата Низара, который отправился в места не столь отдаленные за ограбление и незаконное хранение оружия. Их отец Аймар, конечно, не был осужден, но в двух разных случаях соседи вызывали полицию и свидетельствовали о громкой драке и криках. Это – его семья. Как обстоят дела с семьей Самиры, я понятия не имею. И нет, это не доказательство того, что

мотив связан с честью. Просто я не считаю, что мы можем вычеркнуть что-то, прежде чем изучим все дело.

– Конечно, это нужно изучить. – Тувессон записала *честь* под *ксенофобией*. – Утес, позаботишься об этом?

– Конечно, – ответил тот, избегая взгляда Лильи.

– Ребята, – Тувессон отложила маркер и повернулась к остальным. – Учитывая то, что произошло, неудивительно, что мы реагируем по-разному. Но если мы собираемся работать вместе, то должны по-дружески относиться друг к другу, так что наши разные взгляды на вещи станут преимуществом.

– Согласна. Извини, – сказала Лилья, поворачиваясь к Утесу, который кивнул в ответ.

– Совсем другое дело, – продолжала Тувессон. – Как дела у того мужчины, который получил удары ножом?

– Ральф Хьос. Ну, насколько я понял, учитывая обстоятельства, он чувствует себя более-менее. Жизненно важные органы не повреждены. По-видимому, рана была не слишком глубокой.

– А машина? Не нашли?

– Пока нет, – ответил Утес. – Но я отправил внутренний запрос как на модель, так и на регистрационный номер, так что, если он все еще катается где-то поблизости, то мы быстро его поймаем.

– Думаю, мы также попросим о помощи общественность.

– Хорошо. – Утес сделал пометку в блокноте.

– Кстати, я забыла вам показать, – Лилья вытащила нарисованный от руки портрет мужчины, которого она преследовала. – А вот и он.

– Когда ты успела? – Тувессон посмотрела на портрет.

– Только что. Вот почему я немного опоздала. Подумала, что лучше побыстрее покончить с этим, пока я не забыла его отвратительную улыбку.

– Это Гудрун Шееле?

– Ты же сама видишь, что это работа Гудрун, – сказал Утес, изучая портрет.

Гудрун Шееле – старая полуслепая учительница рисования в инвалидном кресле. Она вышла на пенсию почти двадцать лет назад и жила в том же доме престарелых, что и мать Утеса. Во время одного из визитов к матери он увидел коллекцию портретов, написанных Гудрун, и попросил ее помочь полиции, что она и делала успешно до сих пор.

Как и обычно, она рисовала угольным мелком, и с помощью нескольких размашистых штрихов очень точно изобразила лицо с самодовольной улыбкой. Каждый раз ей удавалось настолько точно воссоздать внешность преступника, что это казалось просто чудом.

– Я все равно была в больнице, так что просто заскочила в Бергалид по дороге сюда, – объяснила Лилья, которая теперь, казалось, немного успокоилась.

– Кстати, я хотела передать тебе привет от мамы. Она, мягко говоря, недовольна. По-видимому, ты обещал ей при-

ехать и настроить каналы на телевизоре больше двух недель назад.

Утес покачал головой.

– Я был там вчера вечером.

– У нее что, болезнь Альцгеймера? Почему ты мне не сказал? – спросила Тувессон.

– Потому что у нее не Альцгеймер. Она страдает серьезной формой избирательного расстройства памяти. По крайней мере тогда, когда ей это необходимо.

– Что скажете? Может, стоит обнародовать портрет вместе с машиной? – спросила Лилья.

– Нет, давай подождем с общественностью и оставим это пока во внутреннем распоряжении. Посмотрим, что скажет окружной прокурор.

– Стина Хегсель?

Тувессон кивнула в тот момент, когда зазвонил ее мобильный.

– Легка на помине... Привет, Стина. Минутку, я сейчас только кое-что закончу. Утес, ты знаешь, как быть. Ирен, предлагаю тебе сделать обзор ксенофобских движений в Бьюве.

– Хорошо. Я собиралась начать с визита к «Шведским демократам». – Лилья допила остатки кофе и встала. Тувессон вышла из кабинета.

– Почему именно «Шведские демократы»? – спросил Утес.

– Потому что они и ксенофобы, и расисты. К тому же на нем была куртка с их эмблемой. Тебя еще что-то интересует?

7

Лилья свернула на Блекингегатан и заметила, что эта улица вместе с поперечными Халландсгатан и Смоландсгатан, должно быть, была спланирована таким образом, чтобы позднее здесь появился новый район с частными домами на окраине Бьюва. Типичная для политиков идея, а в итоге, не считая нескольких одиночных домов, район превратился в скопление незастроенных участков, заросших травой.

Как будто больше в городе негде дома строить, подумала она и поставила свой «Дукати» на подножку у офиса «Шведских демократов», который располагался в одной из немногочисленных вилл.

Зиверт Ландерц, их председатель в Бьюве, олицетворял все то, что она ненавидела в этой партии. Безупречная внешняя оболочка и вонючие внутренности. Идеально завязанный галстук делал его похожим на вежливого банкира. Аккуратно подстриженная борода и, конечно, предательски дружелюбная улыбка.

Ландерц был одним из так называемых новых лидеров партии. Джимми Окессон привел его в попытке повысить уровень доверия к партии. Кроме того, он изгнал самых яростных расистов, а также искоренил нацизм, делая вид,

что его никогда и не было.

Попытка безусловно удалась. Несмотря на один скандал за другим, сегодня «Шведские демократы» были на пути к тому, чтобы стать третьей по величине партией страны.

Дверь открылась прежде, чем кончик ее пальца успел оторваться от кнопки звонка. Ей открыл сам Ландерц.

– Добрый день. Ирен Лилья из полиции Хельсингборга. – Она протянула удостоверение.

– Хорошо. – Ландерц внимательно посмотрел на документ. – Что вы хотели?

– Как вы, возможно, слышали в новостях, мы расследуем убийство.

– Да, я слышал об этом сирийском мальчике. Это просто ужасно. – Ландерц покачал головой, так что захотелось дать ему пощечину, сказав, что ему не обмануть ее. – Но я не совсем понимаю, чем могу вам помочь.

– Я все объясню. Но, думаю, будет лучше, если вы меня впустите.

– Это может подождать? Я сейчас немного занят и, к сожалению, у меня нет...

– Могу ли я истолковать это как попытку помешать расследованию убийства?

– Нет, конечно нет. Нисколько. Я просто... – Он со вздохом прервался. – Но тогда придется поторопиться. Как я уже сказал, у меня...

– Сколько времени это займет, зависит от вас, – заявила

Лилья, которая уже была на пороге офиса.

Все выглядело именно так, как она и ожидала. Несколько разных офисных помещений, а справа кухня с обеденной зоной, где на столе лежала наполовину съеденная шаурма рядом с открытой кока-колой «Лайт».

– Мы можем посидеть на кухне, – крикнул Ландерц, запирая наружную дверь. Но Лилью интересовала совсем не кухня. Она хотела увидеть его кабинет и поэтому прошла по коридору, который поворачивал налево, пока не увидела табличку с его именем на одной из дверей слева.

– Или мы можем пройти в конференц-зал справа!

Лилья открыла дверь и заглянула в кабинет Ландерца. Стены были белого цвета, офисная мебель бежевая, тут и там стояли горшки с искусственными цветами.

– Вот здесь будет удобно, – сказала она, продолжая осматриваться.

На стенах висели плакаты с Джимми Окессоном и пейзажи Швеции с желто-голубым флагом, колышущимся на голубом небе, а на полке стояли книги, аккуратно выставленные в ряд по высоте. Среди прочих там были «Закон государства свеев», несколько книг по интеграции, а также десяток исторических книг о Первой и Второй мировой войнах.

Два кресла из «Икеи» у окна выглядели совсем новыми. Возникал вопрос, сидел ли в них вообще кто-нибудь? То же самое касалось идеально чистого рабочего стола. Посередине – монитор компьютера. Настольное покрытие и подставка

для ручек из натуральной кожи, нож для бумаги и папка для документов – даже она была из кожи того же цвета.

Другими словами, изображений со свастикой нигде не было видно. Каких-нибудь нацистских символов, нацарапанных на внутренних поверхностях стола, тоже.

Такого она никак не ожидала, и не могла не признать, что ощутила некоторое разочарование. «Шведские демократы» – партия, основанная нацистами, это было вне всяких сомнений. Но Окессон и его друзья так ловко избавились от экстремизма в ее рядах, что остались только гладко причесанные популисты вроде Ландерца. В каком-то смысле это даже хуже. Раньше, по крайней мере, было известно, где они. А теперь люди вдруг стали думать, что отдают голос за обыкновенную партию.

– Хорошо, что я могу для вас сделать? – спросил Ландерц, входя в комнату.

– Как я уже сказала, речь идет об убийстве Мунифа Гане-ма.

– Да, я так и понял. Надеюсь, вы не намекаете на то, что я или кто-то из моих товарищей по партии можем каким-то образом быть причастны к этому делу?

– Совсем нет. Не люблю намеки. Для полной ясности скажу – никто не подозревает вас в том, что вы затолкали его в стиральную машину.

– Вот и отлично. – Ландерц быстро посмотрел на наручные часы. – Вы же понимаете, что и для меня, и для партии

чрезвычайно важна ценность любого человека, независимо от цвета кожи и этнического происхождения.

– Вот как. Это что-то новенькое. – Лилья подчеркнуто улыбнулась. – Значит, вы должны быть так же, как и я, заинтересованы в том, чтобы мы поймали преступника.

– Конечно я в этом заинтересован. Я просто не понимаю, чем могу...

– Можете начать с того, что присядете вот здесь, – прервала его Лилья и подождала, пока он выполнит ее просьбу. – У нас есть подозрения, что преступник – один из членов вашей партии.

– Вот как. – Ландерц еще раз взглянул на часы, после чего сложил руки в замок и начал перебирать большими пальцами. – Даже не знаю, что сказать. Надеюсь, вы ошибаетесь.

– Есть ли кто-то, один или несколько человек, которые приходят на ум вот так сразу?

– Нет, кто бы это мог быть?

– Разве я могу знать? Но всегда есть сомнительные личности, которые выделяются необычными взглядами, и, возможно, даже могут пойти на то, чтобы использовать насилие, продвигая их.

– Наверное, вы правы. Но боюсь, я таких не знаю. И должен сказать, я считаю весьма странным тот факт, что жертва является гражданином другого государства, а вы при этом первым делом пришли сюда и стали подозревать членов нашей партии. Могу сказать, что наша членская база по боль-

шей части состоит из простых честных граждан, которые платят налоги, сортируют отходы и сидят дома, играя в лотерею по выходным.

– Иными словами, исключительно образцовые граждане. И ни одного ксенофоба или расиста.

– Ни одного, при этом они обеспокоены тем, что государство, которое они строили, разрушается под влиянием беженцев, и это влияние набирает обороты. И я вас уверяю, это только начало.

– Учитывая то, как у вас мало времени, предлагаю говорить только по существу. То есть о членах партии. И чтобы сэкономить еще больше времени, предлагаю предоставить мне доступ к базе данных, чтобы я сама могла просмотреть ее.

Ландерц вопросительно посмотрел на собеседницу.

– Но я не могу.

– Все возможно, стоит только захотеть. – Она снова заставила себя улыбнуться.

– Вы и сами это понимаете. Разглашение данных о членах партии – это чистой воды политическое самоубийство.

– Если предположить, что это станет кому-то известно, а это зависит только от вас. Или дадите доступ сейчас, и это останется между нами. Или я пойду к прокурору и вернусь с ордером на обыск и заявлением для прессы, которая быстро разнесет весть о том, что партия, которая хочет, чтобы в стране был мир и порядок, фактически противодействовала

расследованию и покрывала преступника.

Ландерц кивнул и глубоко вздохнул, прежде чем снова встретиться с ней взглядом.

– Ну тогда, я думаю, вам надо поговорить с прокурором. – Улыбка, расплывшаяся по его лицу, доказывала, что он не только раскрыл ее блеф, но и получил от этого удовольствие.

И, конечно же, он был прав. Получить разрешение на запрос базы данных политической партии почти нереально, и в данном конкретном случае оснований для запроса явно недостаточно.

Ландерц встал, не сводя глаз с часов.

– Как я уже сказал, у меня совсем нет времени, и я должен попросить вас...

– Вы узнаете этого человека? – Лилья показала фоторобот и сразу заметила, как что-то переменялось в Ландерце, когда он увидел рисунок. Его взгляд замер на какое-то мгновение перед тем, как он продолжил рассматривать изображение. – Вы ведь знаете, кто это, верно? – Впервые в жизни она поняла, что это было не то, на что она рассчитывала даже в своем самом диком кошмаре.

– К сожалению, нет. Я никогда его раньше не видел.

– Вы абсолютно уверены? Посмотрите снова.

Ландерц вздохнул и сделал вид, что смотрит еще раз.

– Нет. – Он покачал головой и вернул рисунок. – Мне очень жаль, но я понятия не имею, кто это.

– Но было что-то, что заставило вас усомниться, верно? –

Если бы он снова стал все отрицать, она готова была бы поспорить, что он лжет. Тогда она бы, черт подери, сделала все, чтобы о них написала пресса.

Лилья не сразу отреагировала на звук, когда позади нее разбилось окно. Реакция Ландерца, с криком бросившегося прочь, заставила ее понять – произошло нечто серьезное. Обернувшись, она увидела, что единственное кресло из «Икеи», часть ковра и штора охвачены огнем.

– Черт, черт, черт, – успела подумать она, пока выбегала из кабинета. – Постарайтесь контролировать огонь, – крикнула она Ландерцу, подбегая к выходу.

– Нет, подождите! Огнетушитель! Принесите сюда огнетушитель!

– Где он?

– На кухне! Поторопитесь, пока все не загорелось!

Лилья повернулась обратно к кухне и очень ясно увидела красный огнетушитель, стоящий посреди пола, все еще в упаковке. Она вытащила его и поспешила обратно в кабинет, где Ландерц пытался погасить огонь, топая по ковра и сбивая пиджаком пламя на кресле и стене.

– Отойдите в сторону, – крикнула Лилья и принялась распылять пену на огонь, который погас всего за несколько секунд, оставив после себя едкий дым.

Она поставила огнетушитель на пол и быстро убедилась, что серьезных повреждений нет. Вставить стекло, подкрасить одну стену, принести новый ковер и кресло, и все бу-

дет выглядеть так, словно ничего и не произошло. И все же, страшно даже подумать, насколько серьезными могли бы быть последствия.

Пламя погасло, увязнув в пене.

Однако пожар событий еще только разгорался.

8

Впервые за последний месяц Фабиан вернулся к своей коллекции CD-дисков в задней части гостиной и прошелся взглядом по нестройным рядам. Тут было более четырех тысяч альбомов, и это он еще успел отобрать и оставить четверть при переезде из Стокгольма.

Целый месяц тишина была единственным пространством, в котором он мог существовать. Это было самое долгое время без музыки за всю его взрослую жизнь. После событий с Матильдой и Теодором, не говоря уже о Соне, его мозг как будто был не в состоянии воспринимать что-то еще. Даже ненавязчивое, обволакивающее звучание музыки Брайана Ино не сработало. Малейший звук, и у него сразу же начинала болеть голова.

Но теперь, наконец, снова появилось желание что-то послушать. Желание вообще что-то делать. Вставать по утрам и, несмотря на дождь, отправляться на пробежку через лес Польшескуг. Готовить вкусные ужины и собираться всей семьей за столом.

Матильда пришла в сознание, и врачи заверили, что она сможет приехать домой на выходные, и именно это заставило его наконец снова почувствовать твердую почву под ногами. Конечно, она все еще была немного странной, и они так и не прояснили до конца, что именно произошло с Теодором в ту ночь. Но где-то внутри себя он был убежден, что все как-то разрешится. Что в конечном счете ничто не мешает им снова стать одной семьей.

Единственным неизвестным в этом уравнении оставалась Соня.

До настоящего момента в круговороте событий их жизни не было места ни для нее, ни для него. Ни тем более для них. Если вообще еще существовали *они*. Не так давно Соня заявила, что хочет развестись. Эта мысль довольно часто приходила ему в голову в последние годы, а сейчас инициатива пришла от Сони.

Предупреждающие знаки постоянно появлялись в последнее время. Мигали красным светом и кричали о неизбежном, как в конце плохого фильма-катастрофы. И все же он был застигнут врасплох тем, что она вдруг оказалась готова жить без него, и сразу дала понять, что он ничего не может с этим поделать.

Но он понятия не имел о том, что с ней происходило сейчас, после того, как ее любовник изменил ей и вообще оказался совсем не тем, кем она его себе представляла. У него даже не было четкой картины того, чему она подверглась за

несколько часов до ужасных событий в их гостиной.

Однако он подозревал худшее, основываясь на том немногом, что знал. Ее дорогостоящую картину «Висящий ящик» полиция почему-то изъяла в качестве вещественного доказательства. Или синяки на ее теле, которые он случайно увидел, забыв постучаться перед тем, как зашел в спальню. Но дело было не только в синяках. Сейчас он видел перед собой женщину с обрезанными крыльями, которая, казалось, полностью потеряла веру в себя.

По крайней мере, это касалось искусства. По ее словам, она никогда больше не будет рисовать. Она все равно была всего лишь полной бездарностью. Но они не обсуждали такие вопросы, он понял это из обрывочных фраз, которые слышал. И как только он пытался заговорить с ней об этом, она переводила тему разговора. Так же, как делала каждый раз, когда он пытался поговорить об их будущем.

Последние несколько недель их жизни были одним большим чрезвычайным положением, когда вся их энергия была потрачена на то, чтобы дежурить в палате Матильды, и, возможно, все могло измениться теперь, когда дочь вернется домой. Может быть, все наконец вернется на круги своя.

Он вытащил «Gone to Earth» с Дэвидом Силвианом и посмотрел на обложку. Это был второй диск, который он купил после «Sign of the Times» Принца, и он все еще помнил, как поставил его для Сони в квартире, в которую они только что переехали вместе.

Он ей так понравился, что она стала танцевать, а он включил звук настолько громко, что в итоге им в дверь позвонил сосед. Но они только заткнули звонок ватой и откупорили еще одну бутылку вина. Как будто ни одна проблема в мире не касалась их, пока они были вместе.

Он включил колонки на кухне, прибавил громкость и начал готовить ужин под музыку бывших участников группы «Japan» Стива Джансена и Мика Карна в «Taking the Veil».

Поскольку Соня собиралась провести ночь у Матильды, дома были только он и Теодор. Им хватило бы остатков вчерашней пасты, которую он обжарил до хруста на оливковом масле вместе с тонко нарезанным чесноком, несколькими помидорами и оливками.

Дверь комнаты сына была закрыта, поэтому он осторожно постучал, прежде чем зайти. Он заметил, как Теодор вздрогнул, сидя перед компьютером, и быстро включил заставку экрана.

– Ужин готов.

– Хорошо, я сейчас приду.

Фабиан кивнул и повернулся, чтобы выйти, но остановился на полпути.

– Кстати, что ты делаешь?

– Ничего. Я же сказал, что иду.

Фабиан слишком хорошо помнил свой подростковый период. Как он, так же, как и Теодор, всегда запирался в своей комнате с постоянной потребностью остаться одному, все

время беспокоясь о том, что в любой момент дверь может быть открыта любопытным родителем.

Теперь он сам был тем надоедливым родителем, который просунул ногу в дверную щель и задавал кучу раздражающих вопросов. Только в данном случае речь шла не о пачке сигарет или каких-нибудь потрепанных порножурналах, а о пистолете, с которым Теодор пришел домой. О его разбитом носе, который даже через несколько недель после операции все еще был опухшим и сине-желтым. О том, что на самом деле произошло до того, как он вернулся домой той ночью почти четыре недели назад.

Он пытался все выяснить, но после нескольких неуклюжих попыток получил только версию Теодора о том, что он шел через парк Слотсхаген, намереваясь встретиться с друзьями, когда на него напали и ограбили под дулом пистолета. В это время мимо проходил мужчина со своим питбулем, и, испугавшись собаки, преступники выронили пистолет и скрылись. Тогда Теодор решил забрать оружие домой и отдать Фабиану. Кажется, только этот момент во всей истории не был очевидной ложью.

– Мне показалось, что вы с мамой сегодня поссорились, – начал он во время ужина. – Она сказала что-то о том, что нашла две...

– Да, она нашла две пачки сигарет. – Теодор вздохнул. – Как будто теперь больше не о чем поговорить.

– Да, может и не о чем, ведь ты прекрасно знаешь, что мы

с мамой думаем о твоём курении. Но есть ещё одна вещь, о которой нам с тобой нужно поговорить, и это тот самый пистолет.

– А что такое? Я уже все тебе рассказал.

– Ты уверен?

– Ээ... да. Ты уже тысячу раз спрашивал.

– Почему же я до сих пор не получил никаких ответов?

– Откуда я знаю? Не надо меня постоянно спрашивать! –

Теодор пожал плечами и взял новую порцию.

– Ну, именно это я и делаю, и просто чтобы ты знал, я не сдамся, пока не расскажешь мне, что именно произошло той ночью.

– Но я уже это сделал. Что ещё ты хочешь услышать?

– Правду. Как насчет того, чтобы попробовать рассказать именно её? Например, что это были за грабители, и почему они напали именно на тебя. Если это были вообще грабители. С какими друзьями ты должен был встретиться, ты ведь всегда говоришь, что у тебя нет друзей. И тот человек с питбулем, которого ты даже описать не можешь. Он что, тоже был в маске? И почему он никак не отреагировал, когда ты убежал с пистолетом в руке? Правду, Теодор. Это все, что мне нужно.

– Правду? – Теодор поднялся со стула, лицо его было красным. – Ты хочешь знать правду? Да? Точно хочешь? – Голос готов был перейти в крик. – Правда в том, что ты должен быть чертовски счастлив и благодарен за то, что в тот

вечер я вернулся домой с пистолетом. Если бы этого не случилось, ты бы стоял там и смотрел, как убивают одного за другим членов твоей семьи. Но, может быть, так было бы лучше, потому что тогда бы, по крайней мере, не пришлось бы терпеть все это дерьмо!

Фабиан не мог не согласиться с сыном. Несмотря на то, что каждое слово ощущалось как удар ножом в грудь, это была чистая правда.

9

Слесарь проверил, как работают новые замки, передал ключи от них Молли Вессман и собрал инструменты. Когда он закончил работу и скрылся за дверью, она переступила через порог, закрыла дверь и подождала минуту в темноте, прежде чем запереть дверь на замок и на цепочку, которой в обычных случаях никогда не пользовалась.

И все же она не чувствовала себя в безопасности. Ее любимая квартирка в Северной гавани, стоившая целое состояние, теперь превратилась в место, где она испытывала постоянную тревогу. Но что поделаешь, подумала она и прошла через гостиную, не зажигая света.

Комната выглядела так же, как обычно, и все же не так.

Все вещи казались чужими. Телевизор, диван, полка с разной ерундой. Вся квартира. Как будто она была на какой-то чужой земле и по пути сюда проигнорировала все предупре-

ждающие знаки, которые предлагали ей развернуться и отправиться куда-нибудь в другое место.

Проблема была в том, что не было *другого места*.

Притвориться, что у нее слишком много работы и ночевать на диване в офисе, – такое никогда в жизни не сработает. Коллеги сразу поймут – что-то не так.

Переночевать у друзей тоже не выход. Просмотрев весь свой список контактов, она поняла, что нет ни одного человека, который был бы настолько ей близок, что она могла позволить себе обратиться к нему в сложной ситуации.

У нее никогда не получалось завести друзей. Молли всегда предпочитала одиночество. Идея жить с кем-то вместе тоже не воодушевляла. Она не видела смысла в том, чтобы тебе постоянно мозолил глаза один и тот же человек, в то время как секс становится все менее страстным. И уж тем более не в том случае, когда сексуальная жизнь такая насыщенная, как у нее.

Во всяком случае, именно так все и было в той, другой жизни, которая перестала существовать в тот момент, когда она проснулась этим утром, и с тех пор казалась все более далекой. Жизнь разделилась на «до» и «после», а одиночество подействовало как впрыснутый яд.

Она вошла в комнату, которая когда-то была ее спальней, и заметила, что все выглядит точно таким же, как тогда, когда она вышла из нее и поехала в офис. На работе она пыталась вести себя так, как будто все было в порядке. Отрезан-

ную челку спрятала под широким ободком, и, попрактиковавшись перед зеркалом в ванной, выдавила из себя в меру естественную улыбку.

И все же это было все равно что ходить в огромном пузыре, где ее параноидальные мысли кружились вокруг и перекрикивали все остальное.

Она в каждом видела человека, который вторгся в ее квартиру. Янне из айти-отдела, который наверняка знал, как залезть в чужой телефон. Андерс, которого уволили, но он оставался на работе еще месяц. Не говоря о всех тех, кто уже уволился. Повсюду ее встречали фальшивые улыбки, изучающие взгляды и навязчивые вопросы о том, как она себя чувствует.

Паника подкрадывалась все ближе и ближе и достигла своего апогея в разгар совещания. В какой-то момент она вдруг не смогла вымолвить ни единого слова, а только стояла и смотрела на обращенные к ней удивленные лица. Ей внезапно показалось, что среди всех костюмов и галстуков она увидела того самого преступника. Кого-то, кто, несмотря на все сокращения, был недоволен цифрами и во что бы то ни стало хотел убрать ее.

Молчание уже стало просто невыносимым, но она наконец обрела способность говорить и завершила презентацию. После этого отменила все остальные дневные встречи, вышла из офиса и направилась прямо в полицию, чтобы сделать заявление.

К сожалению, они не приняли ее всерьез. Ее заставили сдать анализ мочи и намекнули, что она была пьяна или находилась под действием наркотиков и, вероятно, просто забыла, что у нее был кто-то в гостях.

Но она настаивала на своем и рассказала о тех сотрудниках на работе, которые могли быть недовольны реорганизацией. О некоторых членах совета директоров, которые всегда были против нее. О старике-кассире в «Ика», который обычно раздевал ее глазами, и о мужчине, который упорно продолжал каждый раз расстилать коврик рядом с ней на бикрам-йоге.

Однако они совсем не слушали, и в конце концов она встала и, не сказав ни слова, покинула полицейский участок. И это при том, что она не успела рассказать обо всех людях, с которыми встречалась в клубах.

И где-то там, на выходе из полицейского участка, ей пришло в голову, что ничто уже не поможет — ни снять номер в отеле, ни переночевать в офисе, ни остаться у каких-нибудь сомнительных друзей. Потому что как сильно бы она ни отгоняла эту мысль, преступником мог быть кто угодно.

10

Под звуки «Sunlight Seen Through Towering Trees» Силвиана Фабиан взялся за ручку портафильтра кофемашины «Павони», одновременно с этим поднял рычаг, чтобы выпу-

стит горячий водяной пар. После этого снова опустил его медленным плавным движением, и заветные капли эспresso начали капать в чашку.

Разговор с Теодором еще далек от завершения. Это было настолько сложно, что он не мог поднять вопрос без того, чтобы все снова вылилось в одну большую ссору. В то же время, он не мог не признать того, что Теодор прав. Если бы сын не вернулся домой с пистолетом, заткнутым за пояс, в ту ночь, когда выстрелили в Матильду, вероятно, никого из них сегодня не осталось бы в живых.

Он налил взбитое в пену молоко в кофе и взял чашку с собой в подвал, где миновал стиральную машину, сушилку и стеллажи и прошел между шторами, которые повесил, чтобы разделить пространство.

С той стороны совершенно другая, более уютная атмосфера. Освещение было более теплым, а бетонный пол покрыт остатками тряпичных ковриков. В одном углу стояло выдавшее виды кресло с торшером и маленьким столиком, а у внешней стены – его старый письменный стол с зелеными, цвета авокадо, тумбами, от которых он почему-то все никак не мог избавиться. Большой монитор подключен к ноутбуку, и под светом настольной лампы лежал неиспользованный блокнот, стикеры для заметок разных цветов, а также коллекция недавно купленных ручек.

Соня предложила ему занять студию на чердаке. Но он был уверен, что в один прекрасный день она вернется к ри-

сованию, и разместил свой домашний офис в подвале.

Не для того, чтобы оплачивать счета, зависать в интернете и заказывать еду на дом. Нет, это было пространство, посвященное одной единственной цели. Расследованию, связанному с действиями его собственного коллеги, криминалиста Ингвара Муландера.

Это было расследование, которое начал его покойный товарищ Хуго Эльвин и тайно работал над ним в течение нескольких лет. Теперь вся ответственность лежала на нем.

Была ли внезапная смерть Эльвина чуть больше месяца назад совсем не самоубийством, а логическим следствием того, что он слишком близко подобрался к правде о Муландере? В таком случае, Муландер не просто убил своего лучшего друга и коллегу. Он также до мельчайших подробностей инсценировал все это как трагическое самоубийство, которое Эльвин якобы совершил, страдая от проблем с гендерной идентичностью и скрывая свое желание стать женщиной. Он не просто повесил его на крюке от люстры, а еще и одел в платье и накрашил помадой, пудрой и тенями для век.

Это было далеко не все. По версии Эльвина, два года назад Муландер во время расследования убийства учеников одного из классов школы во Фредриксдале накачал бывшую ученицу этого класса, Ингелу Плугхед, наркотиками, провел ей операцию по удалению матки так, чтобы было похоже на методы преступника, а затем оставил истекать кровью в парке Рамлёса Бруннspark. И это через несколько недель привело

к тому, что она прыгнула с башни Чернан.

И даже на этом дело не закончилось. Муландер также стоял за убийством пятилетней давности, когда некая Инга Дальберг подверглась нападению во время пробежки, также в Рамлёса Бруннspark, а затем была изнасилована и сброшена голой в реку Роон с руками и ногами, привинченными к поддону.

Все это, а может быть, и что-то еще, он должен был расследовать параллельно с другими уголовными делами. Параллельно с тем, что они приглашали друг друга на ужины, приезжали на места преступлений и иногда работали так напряженно и тесно, что проводили больше времени на работе, чем дома со своими семьями.

Тем не менее, никто, кроме Эльвина, не предполагал, что он причастен, и тот искал вдохновения в других расследованиях, при этом подозрения падали на других людей, а не на настоящего серийного убийцу, который сидел за тем же столом и пил кофе из того же термоса, что и они.

Это казалось настолько неправдоподобным, что самое простое объяснение – Эльвин просто ошибался. И в то же время он не мог припомнить никого другого, кто мог бы лучше, чем Муландер, организовать место преступления со следами, ведущими в ошибочном направлении.

Он подумывал о том, что стоит привлечь Тувессон, чтобы было с кем обсудить свои догадки, но в конце концов пришел к выводу, что ее проблемы с алкоголем представляли

слишком большой риск. Правда, она не пила весь последний месяц, но никто не знал, как долго это продлится. Достаточно одного рецидива, и это будет только вопрос времени, как быстро Муландер узнает о их наработках. Кроме того, именно он нашел ключ от ящика стола Эльвина, в котором были спрятаны все материалы расследования.

Это было два года назад, когда он занял рабочее место Эльвина во время расследования убийств в начальной школе. Пролитая чашка кофе завела его под стол, где под столешницей был приклеен ключ. Ключ, как оказалось, подходил к самому большому из трех ящиков стола. Из любопытства он отпер его, открыл и увидел, что ящик полностью забит папками с документами и толстыми конвертами.

Не обращая внимания на содержимое, он закрыл ящик и не вспоминал о нем до похорон Эльвина, на которых встретил свою старую коллегу из Стокгольма, криминалиста Хиллеви Стуббс. Оказалось, что она знакома и с Эльвином, и с Муландером. Все трое учились на одном курсе в Высшей школе полиции. Она со смехом отвергла предположение о том, что Эльвин хотел сменить пол, а это поставило под сомнение всю теорию самоубийства.

Фабиан отодвинул кофейную чашку и подошел к доске, которая была совершенно пустой и ждала, когда ее заполнят фотографиями, подозрениями и теориями. Он не хотел заносить на доску все мысли и зацепки Эльвина из его ящика, а хотел заполнить ее собственными выводами и доказатель-

ствами.

Отныне это было его расследование. Не Эльвина. И чтобы это обозначить, он повесил на доску одну из фотографий коллеги, сделанных им самим, когда тот висел на крюке люстры с накрашенными красной помадой губами, одетый в цветастое платье и серьги.

Первое, что он должен был сделать, это изучить каждую деталь в смерти Эльвина, чтобы выяснить, есть ли хоть малейшая вероятность того, что за этим действительно стоит Муландер. Поэтому он достал телефон, нашел номер Стуббс и стал ждать ответа.

Конечно, лучше, если бы он пришел к выводу, что Эльвин действительно покончил с собой, и все это было одним большим недоразумением. Тогда никому и никогда не пришлось бы выяснять, что он замышляет у себя в подвале, и они с Муландером смогут продолжать работать вместе той сплоченной эффективной командой, которой они на самом деле и были.

– *Вот это да, неужели мне звонит сам Фабиан Риск!* – Стуббс, казалось, к большому облегчению Фабиана, была рада его слышать.

– Надеюсь, не помешал. – Он не знал никого, кого бы больше раздражало, когда ему названивают, чем Стуббс. Во время их совместной работы в Стокгольмской полиции всегда именно она брала в руки телефон, если ей что-нибудь было нужно. О том, чтобы он или кто-нибудь другой звонил ей, не

могло быть и речи.

– Конечно, помешал. Как же иначе? – спросила она без малейшей иронии в голосе. – Но было бы неправдой сказать, что я удивлена, хотя ожидала звонка сразу после похорон. И кстати, что с тобой случилось? Ты просто исчез.

– Не помню, успел ли я рассказать, но моя дочь Матильда была серьезно ранена. На самом деле настолько серьезно, что я не был уверен, что она выживет.

– Верно, ты что-то говорил об этом. Как у нее сейчас дела?

– Сейчас все хорошо, и она даже придет домой в эти выходные.

– Тогда отлично. Наверное, это было ужасно.

– Это точно. Как насчет тебя? Тебе нравится в Мальмё? Или скучаешь по темпу жизни в Стокгольме?

– Знаешь, они тут рады пострелять друг в друга, поэтому нам работы хватает всегда. Но поправь меня, если я ошибаюсь. Ты ведь звонишь не для того, чтобы просто поболтать?

– Ты, наверное, помнишь, что на похоронах мы говорили о Хуго Эльвине.

– Да, ты упомянул что-то о том, что у него была депрессия, и он хотел сменить пол.

– Это официальное объяснение, и лично я все больше сомневаюсь в этом.

– Это звучит как абсолютный бред, если хочешь узнать

мое мнение. Я не понимаю, откуда у вас такие мысли. Оставил ли он после себя предсмертную записку?

– Нет, но в его квартире было много женской одежды. Трусики, лифчики, все, что угодно. Еще он был покрашен и одет в платье, когда мы его нашли. В его компьютере мы нашли много открытых страниц с информацией о смене пола и...

– *Ладно, можешь на этом остановиться,* – прервала его Стуббс. – *Что Хуго был женщиной, запертой в мужском теле, я ни разу не верю. Самоубийство может быть. Он много размышлял об этом еще в то время, когда мы знали друг друга, и, если я правильно понимаю, это вряд ли прошло. Но вся эта чушь о его гендерной идентичности не выдерживает никакой критики. Это так же вероятно, как то, что я стану вегетарианкой.*

– Как ты можешь быть так уверена?

– *Позволь мне быть полностью откровенной. И во время учебы и после нее мы с Эльвином были больше, чем просто друзьями, и, не вдаваясь в интимные подробности, могу сказать, что его мужественность была последним, в чем он мог сомневаться.*

11

Если смотреть сверху, то район для беженцев в красивой местности между Клиппан и Квидинге казался одной открытой раной. Плодородные поля, которые, как большие кусоч-

ки пазлов зеленого и рапсово-желтого оттенков, вместе образовывали естественную гармонию, на самом деле выглядели так, будто кто-то специально пытался испортить весь вид.

С 1963 года, когда компания «Квидинге Стенкросс» погрузила первый ковш в эту землю, работы велись глубже и глубже, и уже полностью раскопанной оказалась область размером с полсотни футбольных полей. Все чаще звучали призывы остановить опустошение территорий и заменить это чем-нибудь другим. Но ни одно из предложений – построить парк развлечений, организовать музыкальный фестиваль или сделать торговый центр – не удалось довести до конца.

По этой причине муниципалитет Квидинге в ожидании предложения, с которым все могли бы согласиться, устроил временное убежище для размещения беженцев в одном из карьеров, оставшихся после работ многочисленных экскаваторов.

Общежитие, состоявшее из нескольких соединенных между собой бараков в два этажа, с лестницами, которые находились снаружи, занимало лишь часть площади карьера. Тем не менее оно обеспечивало жильем сто восемнадцать беженцев, большинство из которых уже ложились спать, когда полноприводный пикап медленно подъехал к карьере с выключенными фарами.

Из машины вышли трое мужчин в темной одежде, их мягкие кроссовки не издавали почти ни звука на гравии. Было заметно, что они точно знали, что делать, и, каждый с кани-

строй в руке, они разошлись в разные стороны и окружили жилой район.

Как по команде, они почти одновременно открутили крышки канистр и начали выплескивать содержимое на деревянный фасад, который был выкрашен только обычной грунтовкой. Бензин бежал по дереву и капал то на гравий, то на основания барачков.

На оконные рамы вылили особенно много, а с помощью бесшумных строительных пистолетов в каждую дверь и дверной косяк забили по несколько семидюймовых гвоздей. Затем, как по сигналу, все трое достали каждый свою зажигалку.

Вся операция была закончена менее чем за три минуты. Остальное – чистая химия.

12

Ей больше двухсот лет, она была сделана из белого мрамора и имела форму икосаэдра, поверхность которого состояла из двадцати равносторонних треугольников. Двадцать сторон с выгравированным номером, за исключением десятки, вместо которой была буква Х.

Золотистая краска давным-давно стерлась, и постороннему человеку пришлось бы ощупывать углубления или подносить стороны к свету, чтобы увидеть результат. Сам он давно уже научился распознавать разные грани по оттенкам мрамора.

мора.

Это была его самая дорогая игральная кость, и всегда, когда он доставал ее из хлопкового мешочка, чувствовал ее тяжесть в руке.

Он положил икосаэдр в ладони, сомкнул их и начал трясти.

Двойка или больше. Этого было бы достаточно для того, чтобы взять новое задание. От того, какая из девятнадцати граней выпала бы, зависело количество дней, отсчитываемых с сегодняшнего.

Единственная сторона, которой не следовало сейчас выпадать, была единица. Если она, несмотря ни на что, выпадет, то ему придется прервать все, и ничего из того, к чему он готовился и чего так ждал, не будет сделано. Все веселье закончится задолго до того, как он успеет привыкнуть.

Полиция до сих пор не нашла даже тело из задания в Клиппан, первое в длинной красивой нитке жемчуга всех его заданий.

Прошло уже несколько недель, а о покойном старике до сих пор не было никаких известий. Очевидно, его никто не искал. И еще это было связано с тем, что тело лежало в продолговатой герметично закрытой конструкции, и трупный запах не распространялся дальше.

Похожая на кокон конструкция – следствие того, что выпала кость *причина смерти: удушье*, оказалась значительно более сложной в реализации, чем он ожидал. После несколь-

ких неудачных попыток он пришел к идее об устройстве, состоящем из двух велосипедных колес, которые по бокам крепились к двухметровой стальной трубе.

Мужчина, лежавший без сознания на полу в своей гостиной, был не больше ста семидесяти восьми сантиметров ростом, поэтому без проблем поместился между двумя колесами, и с помощью нескольких натяжных ремней он закрепил его шею, руки и ноги в стальной трубе.

После этого надел большой прозрачный пластиковый пакет на одно колесо и голову мужчины и еще один – на ноги и нижнюю часть тела. И обмотал армированным скотчем концы пакетов посередине трубы. Два велосипедных колеса держали пакеты плотно натянутыми, и после трех слоев он убедился, что конструкция точно не развалится.

Довольный, он сел на пол и стал ждать. Выпавшие кости не указывали ему на это. Он сделал свое дело, но ему было интересно, как отреагирует мужчина, когда очнется от удара в затылок, и сколько времени пройдет, прежде чем углекислый газ заставит его снова потерять сознание.

Старик проснулся гораздо быстрее, чем он ожидал, и как только первый шок прошел, он попытался освободиться, пока не понял, что это невозможно. Но вместо этого он принялся кататься по полу, отчаянно пытаясь проделать дырки в пластиковом коконе.

К счастью, он подумал о том, чтобы заклеить старику рот скотчем, чтобы тот не мог прокусить что-нибудь, хотя из-

начально смысл, конечно, был в том, чтобы не слышать его криков. Мужчина пытался кричать и делал это все время до того момента, когда снова потерял сознание, три с половиной часа спустя.

Все это нельзя было считать ничем иным, как полным успехом, и он был так возбужден, что вышел и пробежал две мили, прежде чем смог расслабиться в горячей ванне.

На следующий день он достал свой икосаэдр, с большим волнением ожидая, когда можно будет приступить к следующей миссии. Но по какой-то непостижимой причине тот приземлился на *восемнадцать*. Это было третье по величине число, которое означало, что ему придется ждать целых восемнадцать дней, прежде чем он сможет нанести новый удар.

Но теперь, наконец, снова пришло время, и он тряс икосаэдр так долго, что холодный мрамор стал той же температуры, что и его руки. Это был момент, который он всегда сознательно затягивал. Он похож на секунды перед оргазмом, ведь только кость брошена, пути назад уже не будет.

Он закрыл глаза, разжал руки и услышал, как она с легким стуком приземлилась на натянутое войлочное покрывало и прокатилась дальше еще на какой-то дециметр, чтобы окончательно остановиться.

Двойка.

Он выдохнул и сразу почувствовал, как замедлился пульс. Он снова избежал единицы и необходимости все отменить. Теперь у него было новое задание, уже в эту субботу, и он

мог только покачать головой в ответ на то, как кость бросала ему вызов. Но в конце концов, это же то, чего он хотел, и если сможет быть только в настоящем и отгородиться от всего остального, то, вероятно, все успеет, хоть времени и очень мало. Следующий бросок должен был выбрать жертву. Для этого он достал коллекцию шестигранных кубиков из анодированного алюминия. Он взял один и потряс в руках.

Это был так называемый предварительный бросок для определения количества кубиков, которыми он воспользуется. В данном случае выбор был между одним или двумя, при этом единица, двойка или тройка означали взять один кубик, а четверка, пятерка или шестерка – два.

Пятерка.

Он достал еще один кубик и хорошенько потряс оба, прежде чем выкинуть их на покрывало.

Две двойки.

Он встал и подошел к карте Сконе, висевшей на стене. На карте была обведена область в форме совершенного квадрата, который, в свою очередь, был разделен на сто сорок четыре одинаковых по размеру пронумерованных квадрата. Двенадцать в ширину и двенадцать в высоту. В верхнем левом углу был Мелле, куда он в детстве ездил на автобусе купаться и прыгать в воду со скал.

В дальнем конце правого угла находился Бьернум, который был так же скучен, как и его название. В левом нижнем углу был расположен Копенгаген, который, несмотря на

свое положение далеко на краю, представлял собой очевидный центр региона. В правом нижнем углу Шебо, и он не смог бы этого объяснить, но почему-то надеялся, что кости приведут его именно туда.

Однако не в этот раз, ведь четвертая колонка лежала значительно дальше на запад.

Он поднял один из кубиков, потряс его и бросил.

Тройка.

Другими словами, число квадратов вниз будет определяться кубиком. Он снова взял его и встряхнул еще раз, чтобы через некоторое время бросить.

Четверка.

Он поставил палец на квадрат и сразу же увидел, что это был Хюллинге, а когда увеличил масштаб на Гугл-картах, то понял, что выбор кости упал на торговый центр Хюллинге. В этом районе не было частных домов, что означало – он должен поехать туда, чтобы кости выбрали свою жертву.

Это будет новый опыт, и, если бы он решал сам, ему хотелось бы получить еще немного времени. Но он об этом не беспокоился. Напротив, ждал с нетерпением. Кроме того, у него уже появилась идея, как будет проходить отбор.

13

Двадцать шесть дней, восемь часов и двенадцать минут.

Тувессон почесала руку под часами и стала ждать, пока

Лилья, Утес и Муландер усядутся за стол для совещаний.

– Окей, давайте начнем, – сказала она, несмотря на то, что термос с кофе только начали передавать друг другу.

– Так как у нас у всех полно дел, я подумала, что мы должны уложиться в полчаса. Так что давайте постараемся быть немногословными. Хорошо?

Лилья и Муландер кивнули и посмотрели на Утеса.

– Почему все смотрят на меня? – спросил Утес. – И кстати, может позвоним мистеру Риску и попросим его присоединиться? В конце концов, он уже больше месяца сидит дома.

– Да, но я бы предпочла этого избежать.

– А учитывая то, через что пришлось пройти ему и его семье, ему нужен отпуск больше, чем когда-либо, – сказала Лилья, покачав головой.

– А когда он снова начнет работать? – Утес попробовал кофе.

– Ближе к осени, думаю, в конце августа, – сказала Тувессон. – Пока нам придется обойтись без него. И раз уже мы затронули эту тему, то я хотела бы напомнить вам, что сегодня во второй половине дня ложусь в Тольвманнагорден, чтобы начать лечение в двенадцать этапов. Оно займет пять недель.

– Пять недель? – Муландер переглянулся с остальными.

– Я знаю, это ужасно долго, но что поделаешь?

– А что, если нам нужно будет связаться с тобой?

– К сожалению, это невозможно.

– Подождите, – сказала Лилья. – Как это невозможно? У нас сейчас в самом разгаре...

– Ребята! – Тувессон подняла вверх руки. – Я знаю, что сроки поджимают. Поверьте мне, я не хочу ничего, кроме как остаться здесь и работать с вами. Но я должна отнестись к этому серьезно и поставить во главу угла свое здоровье. Надеюсь, вы меня поймете.

– Конечно, – сказала Лилья, кивая вместе с остальными.

– Хорошо. Тогда, я думаю, мы...

– Еще кое-что, – перебила ее Лилья. – Кто в это время будет руководить расследованием?

– Я, конечно, – сказал Утес. – Кто же еще?

– Ну не знаю, – пожала плечами Лилья. – Кто-то, кто немного более...

– Утес прав, – вмешалась Тувессон. – Он будет руководить расследованием, и я надеюсь, вы все позаботитесь о том, чтобы все прошло как можно более гладко.

– Немного более что? – Утес повернулся к Лилье.

– Ничего. Забудь. Все пройдет отлично.

– Итак, начнем с разыскиваемого «Вольво». У нас есть его следы?

– К сожалению, пока ничего, – ответила Лилья.

– Я думаю, он брошен где-нибудь за пределами Бьюва, – сказал Утес. – Если бы он катался на нем по округе, мы бы давно его нашли.

– А камеры слежения? Вы уже начали просматривать за-

писи с них?

– Пока нет. Мы все еще ждем несколько записей, но как только закончим здесь, это будет главным приоритетом. Надеюсь, машина засветилась на одной из камер.

Тувессон кивнула и потянулась за одним из термосов с кофе.

– Этот пустой, на вот, возьми, – Утес протянул ей другой термос. – Кстати, есть ли новая информация о пожаре в общежитии рядом с Квидинге?

Тувессон покачала головой, наполняя свою чашку.

– По-прежнему три человека считаются погибшими. Что, как бы абсурдно это ни звучало, можно считать хорошей новостью, учитывая то, чем все могло закончиться. Вопрос в том, можно ли сказать, что это был прямой ответ на пожар у «Шведских демократов»? Ирен, а ты как думаешь? Ты была там, когда это случилось.

– Это не может быть ничем иным, как ответом правых экстремистов.

– Что вовсе не означает, что в этом деле замешаны именно «Шведские демократы», – сказал Утес, поднимая палец.

– Это зависит от того, что ты имеешь в виду под «замешаны». Именно они разместили адреса всех общежитий на своей странице в «Фейсбуке». К тому же, не знаю, стала ли бы я называть то, что произошло у «Шведских демократов», пожаром. Даже пожарная сигнализация не успела сработать.

– Пожар остается пожаром, кто бы ни держал спички.

– Прости, но что, черт возьми, ты имеешь в виду?

– Только потому, что кто-то не согласен со «Шведскими демократами» в их политических взглядах, а преступник, возможно, принадлежит к мусульманскому меньшинству, вы не можете просто проигнорировать это дело и притвориться, что ничего не происходит.

– Конечно не можем, и я не игнорирую.

– Именно это ты и делаешь. Пытаешься высмеять всю эту ситуацию и подшучиваешь по поводу сигнализации, которая не сработала, и все такое. Но пожар – это пожар, независимо от твоей политической позиции.

– Конечно, это так. Я просто хочу сказать, что размер пожара несоизмерим со всей шумихой, которая поднялась в средствах массовой информации. Этот Ландерц был на первой полосе каждой газеты и получил в два раза больше внимания, чем поджог в общежитии.

Утес пожал плечами.

– Какое это имеет отношение к нашему расследованию?

– Нет, так дело не пойдет. – Лилья встала, как будто была слишком взвинчена, чтобы сидеть. – Это звучит так, как будто ты – один из «Шведских демократов», и, конечно, имеешь полное право быть им. Но, если мы собираемся работать вместе в этом расследовании, мне нужно знать, на чьей ты, черт возьми, стороне.

– Моя политическая позиция тут совершенно ни при чем. Напротив, именно твои политические взгляды мешают тебе

быть объективной и спокойно заниматься расследованием.

– Это мне мешают? Ты все еще всерьез веришь, что это не имеет никакого отношения к расизму?

– Ирен, тебе действительно нужно успокоиться, – сказала Тувессон. – Утес прав. Наши политические взгляды не имеют никакого отношения к работе. Если у тебя с этим проблемы, боюсь, мне придется попросить тебя уйти.

Лилья ничего не ответила, но посмотрела на остальных так, словно действительно собиралась покинуть совещание. Но потом она коротко кивнула и снова села.

– Ладно, – продолжила Тувессон. – Вернемся к тому, о чем мы говорили, – пожар у «Шведских демократов». Есть ли вообще какие-нибудь подозреваемые?

– Расследование ведет полиция в Бьюве, – сказала Лилья.

– Хорошо, сможешь с ними связаться и узнать, к чему они пришли? Много говорит о том, что это было прямым результатом убийства Мунифа Ганема.

Лилья едва заметно кивнула и сделала пометку в своем блокноте.

– Тогда предлагаю перейти к прачечной. Ингвар, как у вас дела? Вы что-нибудь нашли?

– Пока только кучу отпечатков пальцев, пятна крови и волосы. Совсем не удивительно для прачечной. Но если спросишь меня еще раз до обеда, мы там уже закончим.

– Поняла, продолжайте. Утес, ты успел рассмотреть подробнее Самиру и ее семью??

– Да, и в базах уголовных дел на них ничего нет. Напротив, они оказались образцовыми гражданами. И мать, и отец работают в здравоохранении и свободно говорят по-шведски, несмотря на то, что приехали сюда всего три года назад.

– Вот видишь, – сказала Лилья, наливая себе кофе в чашку. – Так тоже бывает.

– Напротив, я все еще далек от убеждения, что мотив именно расистский. – Утес предупреждающе поднял руку, не сводя взгляда с Лильи. – И прежде чем ты выплеснешь кофе мне в лицо, я буду признателен, если выслушаешь то, что я хочу рассказать.

– Ты можешь быть абсолютно спокоен. Я предпочитаю его выпить.

– Утес, рассказывай. Каков мотив? – спросила Тувессон.

– Педофилия.

Тувессон задумчиво кивнула.

– Сколько ему было лет?

– Одиннадцать. – Лилья повернулась к Утесу. – Почему педофилия? Насколько я поняла, нет никаких доказательств того, что это было связано с сексом.

– Что-нибудь слышно от Косы? – спросил Муландер.

– Да, я встречалась с ним вчера. Хорошо, что ты спросил, я ведь забыла показать вам это. – Тувессон протянула несколько фотографий, на которых мальчик, Муниф Ганем, лежал на блестящем металлическом резекторском столе. – Должна сказать, я никогда не видела, чтобы Коса был так

впечатлен.

– Это не трудно понять. – Лилья посмотрела на одну из фотографий, где хрупкое тело было выпрямлено настолько, насколько это было возможно, но все равно лежало в позе эмбриона с ногами, согнутыми в неправильном направлении. – Страшно представить, насколько ему было больно.

– Он установил причину смерти? – спросил Муландер.

Тувессон кивнула.

– Внутренние кровотечения. Весьма многочисленные. Что делает все еще хуже, чем можно было подумать.

– В каком смысле?

– Это значит, что он умер от включенного режима отжима в машинке, а не при полоскании, как можно было бы подумать. Хотя воды в легких очень много.

– О боже... – Лилья отложила фотографию и обхватила голову руками.

– Подожди, но я что-то не понимаю, – сказал Утес. – Конечно, это ужасно. Но что там может быть еще хуже?

– Ингвар. – Тувессон повернулась к Муландеру. – Эта программа ополаскивания, которую использовал преступник. Сколько примерно времени она работает до начала самого отжима?

– Точно не знаю, минут пятнадцать-восемнадцать, я думаю. – Муландер пожал плечами и попробовал кофе.

– Вы хотите сказать, что прошло четверть часа, прежде чем он... – Утес замолчал и, казалось, ушел в свои мысли.

– Понятно. Он нашел что-нибудь интересное? – Спросил наконец Муландер. – Например, следы сексуального насилия.

– Насколько мне известно, нет. Но вы же знаете, насколько Коса немногословен, прежде чем закончит работу. Так что педофилия вполне может быть мотивом. Странно, что мы не подумали об этом раньше.

– У тебя есть подозреваемый? – спросила Лилья.

– Да, вот этот. – Утес включил проектор под потолком и подсоединил его к компьютеру, после чего все увидели на стене фотографию полноватого мужчины с прилизанными волосами, с усами и очками. – Эти фотографии я нашел на его странице в «Фейсбуке».

– Красавчик. Кто это?

– Бьерн Рихтер. Это тот парень, о котором я тебе говорил по телефону. Он живет на втором этаже того же подъезда и работает воспитателем в детском саду в Солросене.

– Точно. Тот, про которого ты сказал, что он точно ненормальный, но не мог объяснить почему.

– Ты серьезно говоришь, что вот этот работает в детском саду? – спросила Тувессон.

– На самом деле у них постоянная нехватка педагогов-мужчин, поэтому они легко устраиваются на работу, – объяснила Лилья.

– Мы не должны ни о ком судить по внешности, – сказала Тувессон. – Но я бы, наверное, не решилась отправить туда

своих детей.

– Вы еще не видели худшего, – Утес показал следующую фотографию.

На ней был мужчина, сидящий на диване с целлофановым чехлом в комнате, которая, по всей видимости, была его гостиной. Он был окружен сотнями фарфоровых кукол. На следующей фотографии он также позировал с кучей кукол, но на этот раз находился в спальне и лежал, укрытый розовым одеялом, в двуспальной кровати.

14

Запах помещения, которое слишком долго было закрыто, ударил в ноздри Фабиана, когда он открыл дверь в квартиру Хуго Эльвина. Он зажег потолочный светильник, оказавшийся слишком слабым, и впустил Хиллеви Стуббс.

Так же, как в тот день ровно месяц назад, когда он был там с Муландером и они нашли Эльвина мертвым. Тот висел на крюке люстры, покрашенный и одетый как женщина. Никакого реального расследования так и не было проведено, ведь Коса после судебно-медицинской экспертизы сказал, что по всем признакам это может быть только самоубийство.

Это был первый раз, когда он посетил квартиру с тех пор, и чтобы убедиться, что никто не проник внутрь и не уничтожил улики, он позаботился о смене замков и из собственного кармана оплатил арендную плату до августа.

– Неудивительно, что он был в депрессии. – Стуббс оглядела мрачную прихожую с бежевыми обоями и картинами в рамах, изображавшими родной город Эльвина Симрисхамн. И точно так же, как сам Фабиан, когда он в первый раз зашел в квартиру, она застряла у одной из черно-белых фотографий, где мальчик в платье помогал матери развешивать белье. – Я бы тоже впала в депрессию, если бы жила вот так.

Единственное, что он ей сказал, – ей надо посмотреть своим взглядом криминалиста, и понять, неотреагирует ли она на что-нибудь. Ничего о том, что он подозревал Муландера, и ни слова, что никто не знал об их визите сюда.

После недолгих уговоров она согласилась приехать, но ясно дала понять, что взяла полдня отпуска не для того, чтобы работать, а чтобы съездить к другу в Харлесе, и поэтому у нее было на все про все не более получаса.

– И все же я, честно говоря, не понимаю, что можно добавить, когда здесь уже побывал ваш Муландер? – продолжала она, проходя вглубь квартиры. – Говорите, что хотите об этом человеке, но он, несомненно, один из лучших в стране.

– Как я уже сказал по телефону, это дело было отнюдь не в приоритете. – Фабиан закрыл за собой дверь и двинулся дальше.

– Понятно, но если нет подозрений о насильственной смерти, то приоритет и не важен.

– Дело в том, что у нас тогда было много работы с одним расследованием. Оно было настолько сложным и обширным,

что забирало все наши силы. И к тому же даже самые лучшие иногда допускают промахи, не так ли?

– Я сказала «*один* из лучших», – Стуббс повернулась к Фабиану спиной, прошла в гостиную и молча огляделась. Она смотрела на синие расписные тарелки, висевшие в ряд над дверным косяком и по обеим сторонам двери. На струнную полку с маленькими безделушками, плюшевый диван перед толстым телевизором и журнальный столик с темно-зелеными плитками и кружевной скатертью.

– Это не здесь, – сказал он, не получив никакой реакции. – Он висел там, в другой комнате. Если ты пойдешь за мной, я...

– Пожалуйста, можешь заткнуться?

Фабиан слишком хорошо знал Стуббс, чтобы обижаться. Ее резкость была всего лишь признаком того, что она сосредоточена. *Стать единым целым с местом*, как она говорила в Стокгольме.

Через несколько минут она повернулась к нему и кивнула, после чего он повел ее дальше по коридору, в спальню, где кровать была так же идеально заправлена, как и в прошлый раз. Компьютер остался стоять на маленьком столике у окна, выходящего на улицу Здоровья, которая, несмотря на свое название, была самой канцерогенной улицей Хельсингборга.

– Вот кое-что из одежды, о которой я тебе рассказывал. – Фабиан открыл один из шкафов, заполненный женским нижним бельем, париками, платьями и туфлями. – И компьютер

у окна с историей поиска. Включить его?

– Нет. – Стуббс прошла дальше мимо тяжелых бордовых штор, которые были раздвинуты в стороны.

Фабиан последовал за ней в самую дальнюю комнату, где в углу перед стеной, заставленной книгами, стоял диван. За исключением того, что Эльвин больше не висел на крюке, все выглядело так же, как и в тот раз, когда он и Муландер были здесь.

Он изучал Стуббс, пока она ходила вокруг и впитывала атмосферу. Иногда с открытыми глазами, изучая какую-нибудь мелкую деталь, но часто и с закрытыми. На этот раз он не собирался прерывать тишину. Фабиан подошел к книжной полке и присел на корточки перед рядом фотоальбомов на нижней полке.

Он уже однажды просмотрел альбомы, но не нашел ничего интересного. И все же его тянуло именно сюда.

Альбомы были помечены датами, и он вытащил первый, на корешке которого было написано «62–68». Он помнил, что разворот за разворотом альбомы были заполнены фотографиями из детства Эльвина. Большинство из них показывали его семилетним, когда он занимался всем, чем угодно, начиная от стрельбы из лука, игры в футбол и рыбалки, до переодеваний в ковбоя и игр с конструктором «Меккано».

На некоторых снимках он был вместе с родителями, на других – с сестрой, которая теперь жила в Швейцарии. По словам Муландера, Эльвин перестал с ней общаться из-за на-

следства родителей, и когда она даже не подумала о том, чтобы приехать и поприсутствовать на его похоронах, он решил, что в этом была доля правды.

На одном из разворотов отсутствовала одна фотография, а на другом – еще одна. Он помнил такое по старым альбомам своих родителей, в которых многие фотографии имели тенденцию отклеиваться и лежать там и сям. Но здесь не было ни одного отдельно лежащего снимка, ни в альбоме, ни в самом дальнем углу полки, и внезапно его осенило, что же он на самом деле искал.

– Ну, и что ты хочешь, чтобы я сказала? – спросила Стуббс, а он принял решение подождать, пока они все закончат, и поставил альбом на место.

– Все, что угодно, – сказал он, вставая. – Все, что пришло тебе на ум.

– Фабиан, если ты ждешь, что я найду какое-то указание на то, что это было самоубийство либо убийство, то я должна, к сожалению, тебя разочаровать. – Она посмотрела на часы на руке. К тому же, мое время заканчивается.

– Но ты же должна была увидеть что-то...

– Я не слепая, – перебила его Стуббс. – Я вижу многие вещи. Но ничего, что помогло бы тебе начать серьезное расследование. Ведь в этом все дело, не так ли?

– Может и не так. – Фабиан подошел к ней. – Давай на несколько минут представим, что это было не самоубийство. Стуббс вздохнула и снова посмотрела на часы.

– Хорошо... Но сделаем все быстро. Можем начать с фотографий, которые ты отправил мне по электронной почте. Насколько я могла судить, он весил больше ста килограммов. Уже здесь возникает проблема. Даже просто поднять его трудно, если вообще возможно. Потом нужно преуспеть с тем, чтобы повесить его на крюк. Добавьте к этому тот факт, что он, вероятно, будет оказывать большое сопротивление и бороться за жизнь, если только не находится без сознания. Кстати, было ли вскрытие?

Фабиан кивнул.

– Были ли какие-нибудь травмы головы, свидетельствующие о насилии?

– Нет.

– А токсикологическое исследование?

– Там тоже ничего необычного.

– Значит, ударов по голове он не получал и наркотиками его не накачивали. Ты же сам это сказал.

– Единственное, что мы знаем наверняка, это то, что он не был накачан наркотиками непосредственно в момент смерти, – сказал Фабиан. – Но это не значит, что его не могли накачать, когда он был подвешен, а потом оставить в живых, пока он...

– Подожди, в смысле подвешен?

– Да, или был подтянут с помощью какого-то противовеса, если предположить, что преступник был один.

Стуббс рассмеялась и покачала головой.

– Черт возьми, это звучит как какая-то фантастика.

– Но ведь вполне возможно, правда?

– Да, сегодня все вполне возможно. Но не факт, что правдоподобно.

– Хорошо, но послушай вот что: сначала его накачали наркотиками до бессознательного состояния и связали ему руки за спиной. Затем подняли. Может быть, в какой-нибудь упряжи или еще в чем-нибудь, чтобы не сразу задохнулся. Тогда можно было спокойно накинуть петлю ему на шею и ждать, пока он проснется.

– Ага, а когда он проснется?

– Ну, тогда можно было оставить его висеть и, возможно, давать ему воды, пока снотворное не выйдет из организма. После этого остается только перерезать ремни упряжи и позволить силе притяжения сделать свою работу.

Стуббс пожала плечами.

– В моих ушах это все еще звучит как плохой фильм в три часа ночи. Но ладно, не буду той, кто я есть. Да, это возможно. Примерно так же, как выиграть в лотерею.

– И все же кто-то выигрывает каждую неделю.

– Да, но сейчас я имела в виду совсем другое.

– Я тоже это понимаю и слышу то, что ты говоришь. Но мы договорились подумать вместе. Ты сказала, что увидела много разных вещей. Я бы с удовольствием послушал, что именно ты заметила. Кроме того, до твоего отъезда осталось шесть минут.

– Ты всегда был такой упрямый? – Стуббс вздохнула, но все же еще раз обвела взглядом комнату. – Ладно, возьмем книги в шкафу. Почему все названия кроме «О маскулинности», «Переопределение реальности» и «За пределами пурпурного», расположены в алфавитном порядке?

– Что? Ты имеешь в виду...

– Я ничего не имею в виду. Но разве не было бы более естественно, если бы его книги о трансах были собраны на одной полке и там расставлены в алфавитном порядке, как и другие, а не так, как сейчас, расставленные наугад среди других книг? Это не доказывает ни того, ни другого. Я просто считаю, что это немного странно. А теперь еще. Эти платья вон там, в шкафу. Они по меньшей мере на четыре-пять размеров меньше, чем нужно было Эльвину.

– Ты думаешь, что они не его. Что кто-то другой положил их туда.

– Это только одна из моих мыслей. Они определенно могли принадлежать Эльвину, может быть он планировал похудеть перед операцией по смене пола, хотя мне невероятно трудно такое представить. Есть еще кое-что. Иди и посмотри.

Фабиан пошел вместе со Стуббс к дивану в дальнем конце комнаты, присел на корточки и посветил на пол маленьким фонариком.

– Видишь отметины? – Она направила поток света на одну из отметин на полу.

– Да, наверное, это от дивана или еще чего-нибудь.

– Именно. Когда проходит много лет, то часто остаются такие штуки. Особенно когда у тебя нет защитного покрытия для пола.

Фабиан кивнул, хотя и не совсем понял, куда она клонит.

– Но под ножками дивана, как ни странно, нет ни отметин, ни защиты.

Она осторожно приподняла диван, чтобы продемонстрировать это.

– Может, он поменял мебель прямо перед тем, как покончить с собой, чтобы квартира выглядела приятнее, ведь он знал, что мы придем сюда.

– Да, может, и так. Проблема в том, что отметины на полу ни к дивану, ни к какому-либо другому предмету мебели в этой квартире не подходят. Это говорит о том, что он относительно недавно заменил другую мебель на эту, чтобы иметь дома модную обстановку, как у многих трансов. Хотя это не то, на что я бы потратила свою энергию, если бы собиралась убить себя.

Стуббс встала вместе с Фабианом.

– Конечно, здесь есть странности. Но вряд ли их достаточно, чтобы начать целое расследование. Кроме того, не хватает самого главного – мотива. – Она всплеснула руками. – Думаю, твои часы идут неправильно, потому что, согласно моим, я опоздала на две минуты и уже должна идти.

Если у него и было что-то, так это мотив. Но он не мог

рассказать ей об этом. По крайней мере, пока. Он вышел из квартиры вслед за Стуббс, поблагодарил за помощь и пообещал заехать с булочками к кофе, когда в следующий раз будет проезжать мимо Мальмё.

Оставшись один, вернулся в прихожую к фотографии в рамке, на которой мальчик в платье помогал матери развешивать белье. Конечно же, это был Эльвин в детстве, и, конечно же, это была его мать. Даже платье он узнал по фотографиям его сестры.

И все же он был убежден, что это далеко не вся правда. Он снял фотографию с крючка, взял альбом, где не хватало двух фотографий, и вышел из квартиры.

15

Лилья сидела за одним из освещенных рабочих столов в лаборатории Муландера на нижнем этаже, поглощенная четырьмя мониторами, на которых было видно, как пассажиры вносят и выносят из поезда и дальше по платформе на станции Бьюв.

Четыре записи с камер наблюдения, которые работали параллельно и показывали, что даже в таком маленьком городке как Бьюв движение в час пик заполнено лицами, спинами, детскими колясками и ходунками на колесах, которые должны были успеть войти или выйти прежде, чем двери снова закроются и поезд двинется дальше.

Даже чтобы просто сфокусировать взгляд, когда смотришь хотя бы на один из них, требуется немалая концентрация. Смотреть на все четыре монитора, не упуская ничего важного, было почти невозможно. С другой стороны, детальное изучение одной записи за раз заняло бы слишком много времени.

По крайней мере, она знала, что ищет.

Потому что где-то в толпе путешественников должен быть человек в бежевой куртке с символом «Шведских демократов». Если не в этом поезде, то в следующем или в следующем после него.

Прямо у нее на глазах ему удалось сбежать на украденном оранжевом «Вольво» модели 240. Одиннадцать минут спустя, то есть в 11:46, тот же оранжевый автомобиль был зафиксирован, когда проезжал мимо камеры наблюдения на заправочной станции «ОКQ8» в Осторпе к северу от Бьюва. Это, в свою очередь, означало, что преступник не был жителем Бьюва, и либо прибыл на личном автомобиле, который вынужден был, по понятным причинам, бросить в городе, либо поездом.

Вариант с личным автомобилем они могли исключить с помощью одного из помощников Муландера, который все еще находился на месте преступления. Он должен был обойти округу и отметить регистрационные номера всех машин, которые находились поблизости от дома мальчика. После этого Муландер должен был найти адреса и фотографии

каждого из владельцев авто. Оказалось, что все они прописаны в Бьюве, и ни один из них не был похож на человека с улыбкой с их фоторобота.

Дверь открылась, и в комнату вошел Утес.

– Я поговорил с садиком в Солросене, и они могут подтвердить, что Бьерн Рихтер был там с семи утра до времени, когда умер Муниф.

– Это сосед с куклами? – спросил Муландер.

– Совершенно верно. Я также пообщался с некоторыми из родителей, и все подтверждают, что он был там, когда они оставляли утром детей. К тому же они единогласно заявили – он лучшее, что случилось с Солросеном за последние годы. По их словам, никто так хорошо не ладит с детьми, как Бьерн.

– Тогда вычеркиваем педофилию? – спросил Муландер.

– По крайней мере, пока. У тебя тут как дела?

Лилья надеялась, что Муландер ответит, и она сможет спокойно продолжать, не отвлекаясь. Но он промолчал, и Утес подошел и встал позади нее, как старый учитель, который должен убедиться в том, что она писала сочинение без ошибок. Конечно, на бумаге именно он руководил расследованием теперь, когда не было Тувессон. Но то, как он пытался командовать ею все утро, выглядело ужасно жалким.

– Ирен? Ау! Я задал тебе вопрос.

Он и вправду сейчас дотронулся до ее плеча или ей показалось? Да, именно это он и сделал. Что будет дальше? По-

гладит ее по голове и попросит принести кофе? Она сделала над собой усилие, чтобы не поддаться желанию развернуться и залепить ему пощечину.

– Ты можешь быть абсолютно спокоен, – сказала она вместо этого, не отрывая взгляда от монитора, хотя в данный момент ничего не видела. – Я обещаю, что дам вам знать, когда найду его.

Лучше всего было не заморачиваться, пустить все на самотек и продолжать делать свою работу. Что бы он ни говорил и как бы ни старался играть роль босса, она не собиралась сдаваться, пока не найдет человека с надменной улыбкой.

Она только что закончила с поездом, который прибыл вчера утром в 07:16 из Осторпа, и теперь изучала пассажиров, сошедших с поезда в 07:33 из Хельсингборга.

– Время идет...

– Да, я знаю сколько времени, если тебя это интересует.

Он явно не думал сдаваться.

– Не будь такой обидчивой. Нравится тебе это или нет, но ответственность теперь лежит на мне. И я думаю, тебе пора начать искать что-то другое.

– Что другое? – Черт, теперь ей пришлось поставить записи на паузу. – Я отлично знаю, кого ищу, и это не «кое-что другое». Ты же и сам можешь этим заняться!

– А что, по-твоему, я делаю? И Ингвар. – Утес кивнул в сторону Муландера, который тоже сидел и смотрел на экран,

где воспроизводилась запись с камер наблюдения. – Но работа настолько обширна, что я считаю, ты тоже должна подключиться.

Тувессон не было всего несколько часов, а она уже скучала по ней. И по Фабиану, почему он не может быть здесь? По крайней мере, у Утеса был бы еще кто-то, кого можно доставать.

– Утес, – начала она и сразу почувствовала, как раздражение просачивается сквозь ее попытку улыбнуться. – Я помогу вам, как только найду его, выясню, каким поездом он прибыл, запрошу записи с камер наблюдения с этого поезда, увижу, где он сел, выясню, какие там есть камеры наблюдения и всю необходимую информацию, чтобы мы могли его арестовать. Тогда я обещаю начать искать «что-то другое».

Утес вздохнул так тяжело, что она почувствовала запах кофе, который он только что выпил, и яйца, которое, вероятно, съел на завтрак.

– Ирен, это, конечно, здорово. Но теперь он не единственный наш след.

– Ну, вообще-то как раз единственный. Сейчас он – наша самая сильная карта.

– Может, и так. Но это вовсе не значит, что виноват именно он.

– Так кто же, по-твоему, виновен в угоне машины и покушении на убийство Ральфа Хьюса?

– Ну, хорошо. Теперь я говорю о...

– Во-вторых, – перебила его Лилья. – Все его поведение говорит о том, что он виновен. Взять хотя бы побег. Если он ни в чем не виноват, зачем тогда убегать?

– Не знаю. – Утес пожал плечами. – Многие ведут себя странно, как только видят полицейского. Взять хотя бы моих соседей. Если они стоят и разговаривают на улице, а я выхожу из дома, чтобы забрать газету или что-нибудь еще, так они...

– И что они? Убегают, режут людей и забирают их машины?

– Нет, но...

– Вот именно. В-третьих, у нас есть его отвратительно довольная улыбка.

– И с каких это пор мы стали приравнивать довольную улыбку к основанию для предъявления обвинений? – Утес посмотрел в сторону Муландера. – Ингвар, ты не мог бы мне помочь?

– Нет, разбирайтесь сами, – сказал Муландер, не отрывая глаз от монитора.

– Я понимаю, что мы не можем считать улыбку доказательством совершения преступления, – сказала Лилья. – Но ходить вокруг и глумиться над тем, что только что произошло... – Она покачала головой.

– Может, он не знал, что произошло.

– Утес, подойди сюда и посмотри на это, – сказал Муландер.

Утес развернулся к Муландеру, и таким образом дал Лилье шанс нажать на «Воспроизведение» и вернуться к потоку людей на экранах. И почти сразу же монитор в дальнем левом углу привлек ее внимание. Она периодически видела что-то, что заставляло ее перематывать назад и подробно изучать кадр за кадром. Но на этот раз все было по-другому.

– Видишь вон тот красный «Сеат»? – продолжил Муландер, указывая на красную машину, задняя часть которой только что появилась в левой части кадра.

– Да, и что с того?

– Он стоит немного за пределами парковки, но теперь посмотри сюда.

Внезапно зажглись задние фары, после чего машина мигнула и исчезла из поля зрения.

– Как видите, часы показывают 08:20, что соответствует времени убийства.

– Где находится эта камера слежения?

– Рядом с банкоматом на улице Норра Сташунсгатан, примерно в двадцати метрах отсюда.

Лилья не могла видеть лица мужчины, потому что он вышел из вагона с опущенной головой. Кроме того, камера была наклонена немного вверх. Но ей было достаточно заметить белые как мел кроссовки, джинсы с высокой посадкой и бежевую куртку, чтобы быть уверенной – это он.

– Попробуй отмотать назад и посмотреть, можно ли разглядеть номер, – сказал Утес.

– Нет необходимости, – сказал Муландер. – Я уже это сделал.

– И?

– HUT 786. Это арендованный автомобиль из «Херц» на улице Густав Адольфсгатан на юге Хельсингборга.

Утес повернулся к Лилье.

– Не знаю, что ты думаешь, а я считаю, что вот такие данные – это именно «то другое», что стоит проверять. У меня самого уже длинный список, так что, если ты займешься этим, я буду очень благодарен.

– Конечно, – сказала Лилья. – Но, если тебе интересно, я его нашла.

– Да ладно? – Утес подошел к ней и наклонился к монитору, на котором застыло изображение мужчины в синих джинсах и бежевой куртке. – Но тут даже его лица не видно.

– Но это он. Я знаю, что это он. Смотри сюда.

С помощью нескольких быстрых команд она щелкнула ссылку на запись на соседнем мониторе.

– Это из торгового центра, когда я гналась за ним. – Она потянула флажок перемотки, пока он не встал на 2012-06-13 11:42:53, после чего нажала кнопку воспроизведения.

На мониторе показался человек, за которым она гналась накануне. Он вбежал в кадр сбоку и продолжил движение прямо по улице, где его сбил оранжевый «Вольво», который сразу же затормозил и остановился, а мужчина упал на капот, ударился о лобовое стекло, а потом свалился на землю.

– Видишь? Точно такая же одежда.

Утес кивнул, а тем временем из машины вышел водитель, Ральф Хьос, и склонился над неподвижно лежащим на асфальте человеком.

– Кроме того, время совпадает. Он прибывает поездом из Хельсингборга в 07:33, а через двадцать пять минут Муниф покидает квартиру.

Удар был нанесен так быстро, что его легко было не заметить, если не знаешь. В кадре рука лежащего человека, которая внезапно нанесла удар, и Ральф Хьос, сползший на землю, в то время как другой встал, вытер маленький нож об одежду жертвы, сел в машину и уехал. Через несколько секунд появилась Лилья и поспешила к истекающему кровью мужчине.

– Ты права, это точно он, – наконец сказал Утес. – И как ты и сказала, теперь мы можем запросить данные камер наблюдения из этого поезда и посмотреть, откуда он приехал. Но это не мешает нам, как уже было сказано, искать и другие вещи.

– Да, я это поняла и обещаю еще раз просмотреть все материалы и проверить, не найду ли что-нибудь еще.

– Правда? – Утес выглядел искренне удивленным.

– Да, теперь, когда мы его нашли, я чувствую себя намного спокойнее. Кроме того, я согласна с тем, что еще слишком рано ставить точку в расследовании и перестать рассматривать другие версии.

Утес выдохнул, хотя в его глазах все еще светилась неуверенность.

– Все в порядке. Главное, чтобы мы полностью не упустили второй след.

– Когда закончите, может, подойдете сюда и посмотрите на это? – позвал Муландер, помахав им.

Кадры записи, которые он показал, были с той же заправки в Осторпе, где они видели проезжавший мимо оранжевый «Вольво». Запись была сделана вчера, но значительно позже, днем, точнее в 15:54:43. На этот раз в кадре был темно-синий «Мерседес», но он не проехал мимо, а свернул на заправку.

Из машины вышли двое мужчин в темных куртках с накинутыми капюшонами и палестинскими платками на лицах. Один из них вставил кредитную карту в автомат и набрал свой ПИН-код, в то время как другой достал из багажника канистру.

– А что написано на куртках? – спросила Лилья, пока двое мужчин наполняли канистру бензином.

– ММК, – сказал Муландер.

– Мусульманская молодежь Клиппана. – Утес покачал головой. – Хорошая идея – надеть именно такие куртки, когда нужно идти поджигать офис «Шведских демократов» в Бьюве. Возможно, они хотели показать, откуда они, но при этом не решились раскрыть личность.

– Я бы не придавал большого значения этим курткам, – сказал Муландер. – Номер машины значительно интереснее.

– Именно об этом я только что подумал, – сказал Утес. – Ты уже проверил его?

Муландер взглянул на Утеса, но у него не хватило сил еще и вздохнуть.

– Тогда извини.

– А вот и владелец. – Муландер щелкнул по картинке, которая развернулась на весь экран, и повернулся к остальным.

Хотя Лилья сразу узнала его, и они виделись вчера, прошло несколько секунд, прежде чем она поняла, что это шведский демократ Зиверт Ландерц.

16

Зиверт Ландерц был прописан в доме № 10 по улице Окервеген в Сондраби к востоку от Клиппана. Этот район так отчетливо напомнил Лилье жилой район Персторпа, в котором она жила, что у нее сразу же испортилось настроение. Очевидно, так и должен был жить шведский демократ. Не менее очевидно, чем то, что ей и Хампусу нужно поскорее было переезжать. Неважно куда, лишь бы она могла не видеть все эти флаги Сконе.

Не говоря уже о батутах. Почти на каждом участке обязательно стояла эта машина. Но прыгающих детей видно не было. Они, вероятно, лежали в своих постелях, и им читали «Майн Кампф» вслух вместо сказки на ночь.

– Вот он. – Утес кивнул в сторону дома на угловом участке

перед ними, остановился у обочины, заглушил двигатель и отстегнул ремень безопасности.

Тем временем Лилья посмотрела в бинокль, изучая выкрашенный белой краской дом, стоящий посреди ровного участка с батутом и двумя флагштоками с флагами Сконе и Швеции.

– Ирен? Ты идешь?

– Подожди. Похоже, входная дверь открывается.

Действительно, вскоре показались две фигуры, которые вышли и направились к гаражу.

– Ты видишь, кто это?

– Высокий – это не кто иной, как Ландерц собственной персоной. Второго я не узнаю, но думаю, это его сын.

– Тогда, может быть, мы возьмем их сейчас, пока еще не слишком поздно? – Утес открыл водительскую дверь.

– Или поедem за ними и посмотрим, куда они направляются?

Утес остановился, задумался на несколько секунд, после чего закрыл дверь и с каменным лицом пристегнул ремень безопасности. Затем он подождал, пока темно-синий «Мерседес» выехал из гаража и двинулся на восток по Ведбивеген, после чего повернул ключ зажигания и поехал за ним. И все это без единого слова, что было для него в высшей степени необычно.

Лилья без труда поняла, что он злился на нее.

Она бы тоже злилась, если бы оказалась в подобной ситу-

ации. Но правда заключалась в том, что она не доверяла ему как руководителю. Как офицеру полиции и следователю – да. Она не знала никого, кто был бы таким же ревностным и настойчивым, как Утес. Но никаким лидером он не был, и все это знали, кроме, наверное, его самого. В попытке заполнить образовавшуюся мучительную тишину она включила радио.

– Трое погибших и около двадцати раненых, в том числе несколько женщин и детей, – это свидетельство того, что пожар в общежитии под Квидинге – один из самых серьезных поджогов в Сконе за последние годы, – раздалось из динамиков. – По данным полиции в Бьюве, они отрабатывают несколько версий произошедшего, но в настоящее время у них нет конкретных подозреваемых. Согласно одной из версий, это была прямая реакция на пожар в офисе партии «Шведских демократов». Вот выдержка из интервью с местным председателем партии, Зивертом Ландерцем:

– Вы разместили на своей странице в «Фейсбуке» несколько адресов приютов для беженцев. Разве это не говорит о пособничестве нацистам и ксенофобским течениям, особенно учитывая недавний пожар?

– Ни в коем случае, – ответил Ландерц. – Это типичный левый бред, чтобы попасть в заголовки газет.

– Но общежитие в Квидинге было в списке адресов, которые вы выложили.

– Единственное, что мы делаем, – это информируем граждан о том, что происходит. Так происходит в демокра-

тических государствах. Муниципалитеты, напротив, постоянно обходят традиции информирования. И знаете почему? Да потому что жители в таком случае не будут успевать протестовать.

– Но неужели вас несколько не волнуют последствия?

– Мы выступаем против любых форм насилия. И уверяю вас, если кто-то захочет совершить насилие над людьми или зданиями, он может сам узнать адреса. Для этого Эйнштейн не нужен.

– Нет, так дальше дело не пойдет, – сказал Утес, тем самым нарушив длительное молчание и выключив радио. – Уже сумерки, и я должен сократить расстояние, если мы хотим увидеть, куда они свернут на 21-м шоссе.

– Все в порядке. Ты здесь главный.

– Я знаю. – Утес увеличил скорость. – Я просто хотел предупредить тебя и избежать ненужной болтовни.

Лилья собралась спросить, кто же это все время болтает, но вместо этого ей удалось выдавить улыбку и кивнуть в тот самый момент, когда Утес затормозил позади машины Ландерца, остановившейся у шоссе 21 с включенным левым поворотником в ожидании разрыва.

– Кстати, ты ничего не слышала о Фабиане? – спросил Утес через некоторое время.

– Нет. А ты?

– Нет.

Повисла пауза, а тем временем машина перед ними свер-

нула на магистраль, и Утес мог следовать за ней в направлении Персторпа, где они свернули направо на гораздо более узкую улицу Густавсборгсвеген. До этого дорога была загружена автомобилями, а теперь не было видно других машин кроме них и «Мерседеса» впереди.

Они были так далеко от города, что ехали уже больше пяти минут, а ни одного дома так и не встретилось им на пути. Наконец впереди загорелись стоп-сигналы.

– Что скажешь? – Утес затормозил и посмотрел вслед «Мерседесу», который свернул налево и ехал дальше по узкому переулку. – Не ведет ли он на частную территорию?

Лилья кивнула. Впервые за долгое время она была согласна со своим коллегой. Дорога без сомнения вела к какой-то ферме, и если бы они свернули на нее, то стало бы понятно, что они преследуют «Мерседес».

Утес еще больше снизил скорость, видимо, в ожидании того, что она скажет, что делать. Она уже собиралась попросить, чтобы он ехал вперед и припарковался через сотню метров, когда увидела в боковом зеркале две машины с включенными слева поворотниками.

– Поезжай за ним.

– Уверена?

– Нет, но, по-видимому, и наш «Мерс», и обе машины сзади едут вперед, так что нам нечего терять. – Она кивнула в сторону машины, которая начала их обгонять.

Утес свернул на проселочную дорогу, которая тянулась

на несколько сотен метров вперед по аллее, пока она не закончилась большим полем, засыпанным гравием, где стояло около сорока припаркованных автомобилей и мотоциклов.

Зиверт Ландерц и его сын уже припарковались и теперь направлялись к факелам, которые горели, поставленные в ряд, в сумеречной темноте.

– Так. И что теперь? – спросил Утес, как только нашел свободное место.

– Узнать, где мы. – Лилья уже выходила из машины. – Но если хочешь, можешь подождать здесь. – Она закрыла дверь прежде, чем он успел ответить, и направилась к факелам. Идти одной могло быть опасно. Но сейчас она предпочла бы что угодно, лишь бы находиться подальше от Утеса.

К сожалению, дверь машины за ее спиной открылась и закрылась снова, и уже через несколько секунд она услышала, как он, тяжело дыша, торопливо идет по траве.

– Что ты делаешь? Ты что, с ума сошла?

Она остановилась и со вздохом повернулась к нему.

– Можешь вздыхать сколько угодно. Но ты же не думаешь, что я отпущу тебя одну, правда? А вдруг что-то случится? Как это будет выглядеть, и что...

– Достаточно. Я поняла, – прошипела она и увидела, как из машины вышли двое мужчин в длинных кожаных пальто и женщина со светлыми волосами.

– Хорошо. С этого момента я хочу, чтобы ты держалась позади меня, разговаривать с ними буду только я. – Утес по-

дошел ближе к факелам у входа.

Она хотела возразить, но было поздно. Утес был уже метрах в десяти впереди нее и направлялся к мужчине, стоявшему у входа. Тот был настолько мускулистым, что даже на расстоянии было видно, что он явно переборщил с тренировками. И тут она решила сделать, как он просил, и замедлила шаг, чтобы оставаться на заднем плане.

– Добрый вечер. И что здесь происходит? – обратился Утес к вышибале.

– А ты кто такой?

Утес показал удостоверение.

– Сверкер Хольм из полиции Хельсингборга.

Вышибала рассмеялся и покачал головой.

– Тогда ты пришел не по адресу. Это частное мероприятие и тебе здесь делать нечего.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что если бы я был на твоём месте, то убирался бы отсюда как можно скорее.

Утес повернулся посмотреть, где Лилья, но в темноте ее нигде не было видно.

Тем временем парень на входе поприветствовал ещё одну компанию и впустил их, не подозревая, что одна из двух женщин пришла не с ними.

Сад за домом Фабиана слишком мал, чтобы его можно было назвать *садом*. Это, скорее, внутренний дворик с террасой, небольшим газоном, несколькими кустами и сараем. И хотя было уже поздно, мерцающий свет освещал все вокруг. Приближалась середина лета, а в это время года почти никогда не становилось абсолютно темно.

За занавесками грязного подвального окна Фабиан надел пару латексных перчаток и достал рамку с черно-белой фотографией, на которой молодой Хуго Эльвин в платье помогал матери развешивать белье. После этого аккуратно положил ее на рабочий стол под свет настольной лампы, взял кисточку из мягкой беличьей шерсти и нанес порошок, который состоял из равных долей сажи и крахмала.

Послеобеденный осмотр квартиры Эльвина со Стуббс позволял думать как «за», так и «против» подозрений в адрес Муландера. Вообще версия о проблемах с гендерной идентичностью Эльвина была, несомненно, нереалистичной. Не говоря уже о том, что сама инсценировка самоубийства выглядела весьма сомнительной. Но даже Стуббс не могла закрыть глаза на то, что в деле были моменты, которые невозможно было объяснить.

Как он и ожидал, порошок не хотел прилипать ни к раме, ни к стеклу или к задней крышке. Значит, отпечатков паль-

цев на них не было. Одно это было странно. Стекло само по себе – это одно, а вот рама и задняя крышка – совсем другое. Зачем стирать с них отпечатки, если тебе нечего скрывать?

Он перевернул рамку, отогнул четыре маленьких металлических зажима и снял заднюю крышку. На оборотной стороне фотографии не было никаких отметок или печатей, она была полностью белой, поэтому трудно было определить, была ли фотобумага новой или нет.

Он подошел к МФУ в книжном шкафу, открыл крышку сканера и положил фотографию изображением вниз на стекло, и как только кабель принтера был подключен к ноутбуку, на нем появилось окно с вопросом, не хочет ли он отсканировать документ.

Удивленный тем, как легко все прошло, он нажал на кнопку «Да», переименовал файл в «Молодой Эльвин в платье» и выбрал самое высокое разрешение. Через несколько минут на экране появилось изображение.

Это был первый раз, когда он делал анализ фотографии, и он уже представлял, как придется использовать «Фотошоп», прогонять изображение через множество различных фильтров и усилителей контраста, чтобы получить ответ. Но уже после нескольких простых команд, когда он увеличил масштаб, рассматривая голову Эльвина, он мог без проблем увидеть то, о чем подозревал последние несколько часов.

Изображение было отредактировано.

Несомненно, это голова Эльвина, но солнечный свет па-

дал на его лицо слева, а не справа, как на остальных частях фотографии. Кроме того, было что-то с четкостью лица, что не соответствовало четкости платья, и из-за этого, в свою очередь, края вокруг волос и внизу на шее были отчетливо видны, несмотря на очевидные попытки их выровнять.

Эльвин был явно вставлен в фотографию, он был совершенно точно отсканирован с одной из двух фотографий, отсутствовавших в альбоме. На основной фотографии, вероятно, была изображена сестра Эльвина, когда она в своем белом платье помогала матери развешивать белье.

Другими словами, вся путаница со сменой пола Эльвина была придумана. Вероятно, чтобы служить сложным и шокирующим мотивом, который затмевал бы все остальное, так что никому и в голову бы не пришло, что это может быть убийство.

Он почувствовал, как участился пульс, в крови повысился уровень адреналина. Внезапно ему показалось, что он видит будущее, и все те последствия, которые будут иметь место, если действительно окажется, что Муландер, один из членов их команды, стоял за всем этим. Как хорошо Муландер умел ретушировать фотографии, он не знал, но, учитывая его технические навыки в целом, было бы неудивительно, если бы он овладел и этими тоже.

Виновным в убийстве, безусловно, мог быть кто угодно, начиная с какого-нибудь старого преступника, который получил по заслугам в результате деятельности Эльвина как

криминалиста, и теперь хотел отомстить ему. Но если подозрения Эльвина окажутся верными и Муландер понял, что тот напал на его след, то у него был бы не только мотив. Он также обладал навыками для совершения настолько идеально спланированного убийства, что ни у кого, кроме самого Эльвина, не возникло никаких подозрений.

Однако у него самого не было никаких четких доказательств.

Но, как говаривала Стуббс, не имеет значения, насколько тщательно преступник заметал следы. Где-то всегда оставалась пыль, которая очень много значила для того, кто ищет ответы.

18

Может быть, она попала на какой-то концерт?

Это была первая мысль, пришедшая Лиле в голову, когда она отошла от компании, с которой проникла внутрь, и пошла дальше сама по себе. Будоражающая кровь композиция с последнего альбома «Carolus Rex» хэви-пауэр-метал группы «Sabaton» гремела, заполняя собой все пространство сарая, который напоминал концертную площадку с прожекторами в деревянных балках на потолке и приподнятой сценой в дальнем конце.

Это была одна из самых любимых групп Хампуса, и, хотя он прекрасно знал, что она об этом думает, он настаивал

на том, чтобы постоянно включать эти песни и слушать их настолько громко, как будто хотел подвергнуть всю округу пыткам, как в Гуантанамо.

Она оценила количество людей примерно в сто пятьдесят человек. Среди них попадались члены некоторых преступных группировок байкеров, которые в данное время существовали на территории Сконе. Но это была явно не встреча байкерских клубов. Об этом свидетельствовали элегантные костюмы и длинные кожаные пальто, не говоря уже о повязках со свастикой на рукавах многих присутствовавших.

Ирен достала сотовый телефон и позвонила Утесу только для того, чтобы после нескольких гудков услышать его автоответчик, на который она надиктовала короткое сообщение о том, что находится внутри здания.

– Я хотел бы поприветствовать всех тех, кто собрался здесь сегодня, – раздался голос из динамиков вскоре после того, как музыка смолкла, и зрители направились к сцене, где за кафедрой стоял невысокий мужчина, одетый во что-то напоминающее коричневую скаутскую форму. – Рад, что нас сегодня собралось так много! Потому что, как вы, вероятно, заметили, люди начинают понимать, что объединенное сопротивление и насилие – это единственный путь вперед!

Несколько человек в зале стали аплодировать и засвистели.

Она слышала о таком. Секретные собрания нацистов, организованные шведской партией, национал-демократами

или Скандинавским движением сопротивления «Гнездо-3», как они себя называли здесь, в Сконе. Часто они снимали помещение под чужим именем, например, актовый зал в какой-нибудь школе, или собирались, как сегодня вечером, в сарае, непонятно где.

Чтобы не привлекать внимания, она осторожно отошла к краю, где под покровом темноты могла взобраться на стул и заснять все происходящее на телефон.

– Это то, что мусульмане уже давно поняли, – продолжил мужчина на сцене. – Они давно объявили нам войну. И я могу гарантировать, что если мы ничего не предпримем, то скоро у нас будут и законы шариата, и обязанность носить паранджу. – Послышалось много выкриков. – И это так! Многие из нас были слишком голубоглазыми, и нет ничего плохого в том, чтобы быть голубоглазым, и вы знаете, что я имею в виду. Улюлюканье сменилось смехом. – Борьба должна начаться немедленно! Скоро будет слишком поздно!

Раздались аплодисменты и крики, и вскоре весь зал был заполнен поднятыми вверх правыми руками.

– Давайте поприветствуем сегодняшнего первого оратора аплодисментами! Человек, который никогда не отказывался от участия в любых дискуссиях! Кто, как никто другой, знает толк в нашей проблеме, и делает все для того, чтобы его голос был услышан, а наша политика нашла дорогу к людям! Единственный и неповторимый Зиверт Ландерц!

Под аплодисменты и одобрительные возгласы Ландерц

вышел на сцену, пожал руку человеку в скаутском костюме и прошел, одетый в темную кожаную куртку, рубашку и галстук, к трибуне.

– Мне часто говорят, что нельзя равнять всех мусульман под одну гребенку, – начал он, как только толпа немного успокоилась. – Что настоящую проблему составляют только самые правоверные мусульмане и исламисты. Если вы спросите меня, это не что иное, как просто семантика, и в таком случае мы можем называть их настоящими именами. То есть «крысами», или, например, «тараканами»!», – Снова раздались смех и аплодисменты. – Во всяком случае их нельзя считать людьми! – Он покачал головой и улыбнулся, как будто это было самым очевидным. – Я не знаю, как вы, но сам я называю их паразитами! Крики и радостные возгласы усилились. – А что мы обычно делаем с паразитами? Вот именно! Мы их истребляем! – Он сделал вид, что распыляет пестициды в воздухе, и все стали аплодировать еще громче и поднимать правые руки. Тогда для усиления эффекта он надел на руку повязку со свастикой.

Лилья ничуть не удивилась. Ландерц был далеко не первым шведским демократом, вышедшим из нацистских кругов. И все же от всего происходящего ей стало дурно, захотелось подняться на сцену, вырвать из его рук микрофон и спросить, какого черта они здесь делают.

– С одной стороны, они на сто процентов обычные люди, как и все мы здесь, – продолжал Ландерц. – С другой –

стопроцентные магометане, и прямо сейчас именно они едут сюда через наши границы! Паразиты, которые хотят насилловать наших женщин, гадить в наших церквях и высасывать и опустошать нашу землю, забирая все наши богатства. Только посмотрите на цифры, и вы увидите все черным по белому. Мы строим. Мы производим и создаем. А что же они делают? Да, они берут! Они забирают наши деньги. Наши рабочие места. Заполняют школы и университеты. Наши дома. У них хватает наглости занять даже наши места в передней части автобуса!

Зрители буквально посходили с ума от собственных криков, и Ландерцу в конце концов пришлось сделать им знак, чтобы они успокоились, прежде чем он смог продолжить.

– Но, конечно, не это мы слышим в новостях по телевизору или читаем в утренних газетах, что заставляет меня задаться вопросом, не пора ли и средства массовой информации называть по-настоящему – «лживой прессой». – Большинство зрителей засмеялись. – Во всяком случае, об «ужасном» пожаре в общежитии Квидинге мы могли прочитать именно там. Какая слезливая история. Я понятия не имею о том, кто стоял за всем этим, но кто бы это ни был, я думаю, они достойны аплодисментов! – Люди свистели и аплодировали, и, как по приказу, правые руки снова поднялись вверх. – Мы избавились от трех крыс! Три черных отвратительных таракана, которые больше не могут распространять свое потомство. Хорошо бы, если бы сгорели еще несколь-

ко бородатых детей прежде, чем все это закончится! – Еще больше аплодисментов.

Было бы неудивительно, если бы кто-то из виновников пожара находился в этом здании прямо сейчас. Но их слишком много, чтобы она одна могла обойти всех и взять у каждого показания.

Кроме того, она не могла попросить подкрепления, чтобы сарай окружили, так как встреча, какой бы отвратительной она ни была, сама по себе не была незаконной.

С другой стороны, все они приехали либо на машинах, либо на мотоциклах, и, хотя сами они могли не быть владельцами транспортных средств, зацепок должно было бы хватить.

Она прервала съемку, чтобы написать сообщение Утесу, в котором попросила его пройтись и сфотографировать все номерные знаки, когда стул под ее ногами внезапно исчез. Все произошло так быстро, что она упала на пол, не успев сгруппироваться. Телефон вылетел из руки и приземлился слишком далеко, чтобы она могла дотянуться до него.

– И что же мы тут делаем? – Мужчина в кожаной одежде и джинсовом жилете шагнул к ней, сел на корточки и наклонился так близко, что она могла видеть мельчайшие детали татуировки Терминатора, которая тянулась вверх по шее и по лицу.

– Это твой? – послышался другой голос, и рука без среднего пальца протянула ей сотовый телефон.

Она кивнула и увидела, как телефон полетел на землю и

был растоптан грубым ботинком.

Теперь в помещении стало совсем тихо, если не считать стона, который вырвался у нее из груди, когда она вставала, пытаясь перебороть боль в бедре. Внутри у нее все бунтовало, а сердце билось с безумной силой.

Чтобы никто не видел, как она себя чувствует на самом деле, она напряглась, чтобы спокойно стряхнуть грязь с куртки одной рукой. И только когда закончила, повернулась лицом к человеку в скаутской форме, который теперь шагнул вперед вместе с вышибалой.

– Меня зовут Ирен Лилья, – начала она, стараясь смотреть в глаза всем троим. – Я работаю в полиции Хельсингборга и сейчас расследую убийство Мунифа Ганема. – Она сделала паузу и посмотрела на всех, кто стоял перед ней. – У нас есть подозреваемый, и я хочу узнать, знаком ли он кому-то из присутствующих. – Она расстегнула молнию куртки до половины и положила руку во внутренний карман.

Реакция последовала незамедлительно в виде трех стволов, нацеленных в ее сторону.

– Вы же не думаете всерьез, что я стану стрелять в вас, правда? – смогла она выговорить, удивляясь собственной смелости. Она добавила короткий смешок и подчеркнула его, покачивая головой в то время, как вытащила фоторобот из внутреннего кармана.

Похоже, сработало. Пистолеты все еще были направлены на нее, но ни один из них не контролировал свой взгляд.

Неуверенность будто проникла в их тела и сделала бесполезными грозные татуировки и накачанные мышцы. Это не то, на что они рассчитывали, и с оружием или без, но теперь она была у штурвала.

– Вот как он выглядит, – продолжила она, протягивая фотографию невысокому мужчине в скаутской одежде.

Но этот сукин сын смотрел вовсе не на фотографию, а на ее руку. Которая, черт подери, предательски дрожала.

В один момент она выпустила штурвал из рук и теперь могла только смотреть, как он разорвал изображение на кусочки и с улыбкой кинул их на пол.

– Ты хочешь знать, кто это? Ты действительно этого хочешь? – Он шагнул к ней. – Он самый настоящий герой. Он сделал то, что было необходимо для нашей страны. К сожалению, я не знаю, кто это, и поэтому не могу поблагодарить его лично. Однако могу проследить за тем, чтобы известие о его поступке, который, надеюсь, не будет последним, дошло до самого крысиного гнезда, откуда и явился этот «отстиранный» мальчик. Тогда, может быть, остальные еще немного подумают, прежде чем приезжать сюда. Кстати, парень еще должен быть благодарен. Не все могут так хорошо помыться перед смертью. – Он повернулся к человеку с татуировкой Терминатора. – Проводите нашу гостью до самого выхода.

Мужчина кивнул и повернулся к двум другим, которые схватили ее под руки и потащили к двери рядом со сценой.

До самого выхода.

Она хотела оказать сопротивление, но не могла ничего сделать, кроме как последовать за ними в комнату за сценой. Она хотела вырваться и в неразберихе вытащить оружие, наличие которого они забыли проверить.

До самого выхода.

Значит ли это то, о чем она думала?

Открылась еще одна дверь, и ее вывели на задний двор, где стояла машина.

Не просто до *выхода*, а до *самого выхода*.

Неужели они отвезут ее в лес и пустят пулю в лоб? Или запрут в багажнике, пока машина будет спрессовываться до размера небольшой коробки на ближайшей свалке? Она будет не первым полицейским, который внезапно исчез.

– Помогите! – услышала она собственный крик. – Утес, я здесь! На другой стороне!

Ответ пришел в виде кулака, который сильно ударил ее в лицо. Еще несколько сантиметров – и челюсть была бы вывихнута. Она потеряла сознание и не могла видеть, как ее погрузили в багажник и увезли куда-то.

19

Фабиан вытряхнул содержимое коричневого пакета для улик и положил связку на стол в подвале. В ней было семь ключей. Семь совершенно разных ключей, но все они, кроме одного, были оклеены цветной тканевой клейкой лентой.

Два из них были синими, при этом на одном ключе стоял четырехзначный код, а на одном из двух других помеченных белым цветом ключей была чуть более длинная последовательность – с шестью цифрами. На втором была нарисована рыба. Три зеленых ключа выглядели совершенно по-разному и были помечены вопросительными знаками.

С помощью мобильного телефона он сфотографировал каждый из ключей. Он понятия не имел, что означают эти знаки, но к чему-то же они подходили, и он не собирался сдаваться, пока не получит возможность использовать каждый из них.

Осознание того, что фотография молодого Эльвина в платье была сфабрикована, заставило его всерьез заняться исследованием о Муландере. Весь вечер и почти половину ночи он провел в подвале, детально изучая и фотографируя содержимое запертого ящика стола Эльвина.

Некоторые календари он уже просмотрел. За немногим исключением почти каждый день недели был отмечен инициалами И. М., что означало «Ингвар Муландер», за которым следовали два разных времени. Одно – утром, когда он приходил в полицейский участок, второе – после полудня или вечером, когда он выходил из него.

Иногда там был даже нарисованный смайлик, который либо улыбался, либо был злым или имел прямую черточку вместо рта, а на некоторых была дополнительная информация, например, о том, что Муландер сменил номер телефона, о

том, какое расследование он ведет, был ли он в отпуске или отличился каким-то странным комментарием во время со-
общения. На некоторых страницах была еще и третья запись
о времени, по всей видимости, она показывала часы, когда
Муландер возвращался домой, и это могло означать только
одно – Эльвин иногда заходил так далеко, что следил за кол-
легой.

Один из конвертов содержал коллекцию черно-белых фо-
тографий, на которых было видно, как женщина собирается
сесть в машину на пассажирское сиденье. Или она выходила
из машины, это невозможно было разобрать. К сожалению,
ни на одной из фотографий не было видно ее лица. Если она
и не стояла спиной к камере, то ее распущенные волосы ме-
шали увидеть лицо, а что касалось человека на водительском
сиденье, то было слишком темно, чтобы разглядеть больше,
кроме того, что это был мужчина.

На вид автомобиль был серым пятидверным «Саабом» 9–
3. Но разглядеть регистрационный номер на фотографиях
было тоже невозможно.

Также было много копий различных расследований. Не
в первый раз он просматривал их, но впервые нашел время
вникнуть во все детали. Он решил начать с самого старого.
Он знал о нем намного меньше, чем обо всех остальных.

Жертве, Эйнару Стенсону, было семьдесят три года, когда
в субботу 21 апреля 2007 года он умер в своем дачном доме
на Рингшестранд в Херби. Населенный пункт располагался

в центре Сконе и относился к полицейскому округу Юго-Западного Геталанда. Таким образом, расследование оказалось не у Тувессон и ее команды, а у некоего Рагнара Седерстрема в Эслеве, который пришел к выводу, что все это было трагическим несчастным случаем, который, в силу ряда различных обстоятельств, привел к смерти.

По данным следствия, Эйнар Стенсон был один в своем летнем домике, когда случайно поскользнулся на только что отполированном кухонном полу. Он упал прямо на корзину со столовыми приборами, которая стояла на полностью открытой дверце посудомоечной машины. В корзине, кроме прочего, лежал кухонный нож, направленный острием вверх. При падении старика нож вошел ему в живот. Перелом носа, а также рана на лбу указывали на то, что он потерял сознание, это объясняло, почему он остался лежать на полу и умер от потери крови.

Это был, несомненно, необычный несчастный случай, но, в то же время, вполне возможный. Беглый поиск в интернете показал, что Стенсон был единственным, кто умер таким образом, во всей Швеции. Но в Великобритании были два подобных случая: женщина тридцати одного года и шестилетний мальчик.

Однако пометки на полях свидетельствовали о том, что Эльвин не был так убежден в том, что это был несчастный случай. Среди прочего он выделил целый абзац, в котором описывалось, что пол на кухне был отполирован и наверняка

был очень скользким, поэтому жертва должна была надеть тапочки.

Кроме того, слова *отполирован* и *тапочки* были обведены кружком и отмечены вопросительными знаками.

Но, согласно технической экспертизе, пол действительно был отполирован, и на одной из фотографий, где жертва лежала на животе на раскрытой посудомоечной машине, было видно, что левая туфля все еще надета на ноге, а правая упала в лужу крови на полу.

Во многих отношениях это была неприятная картина. Не из-за крови, которая растеклась по посудомоечной машине и полу, и не из-за кончика ножа, который торчал из-под клетчатой рубашки, как маленький блестящий акулий плавник на спине жертвы. Нет, по-настоящему страшно то, как мало было нужно, чтобы внезапно все просто закончилось. Как будто его величество случай решил поглумиться над человеком. И исключительно ради забавы.

Другой снимок был сделан в узком ракурсе и представлял собой еще более неприятную картину, несмотря на то, что жертва на нем отсутствовала. На снимке было видно, как окровавленный кухонный нож торчит острым концом прямо из корзины со столовыми приборами. На это было больно просто смотреть, как будто ему самому, Соне и особенно детям действительно везло каждый раз, когда они ставили нож таким образом.

Но даже в этом расследовании было что-то, о чем Эльвин

спрашивал себя. А именно – длина ножа, рядом с которой стоял знак вопроса. Почему он там был – непонятно. Метка, сделанная красными чернилами, как бы говорила о том, что его поразила какая-то мысль, но он только двинулся дальше. Возможно, продолжил бы развивать ее позже. А может быть, она была полностью забыта.

Поиск информации об Эйнаре Стенсоне показал, что большую часть своей профессиональной жизни он работал спортивным фотографом для газет «Сюдсвенскан», «Квэлльспостен» и «Истад Аллеханда». Одна из его самых известных фотографий изображала молодого Златана во время матча в первые годы в команде «Мальмё ФФ». В 1952 году Эйнар женился на Флоре, и вскоре после этого у них с разницей в несколько лет родились две дочери: Улла и Гертруда Стенсон.

Гертруда...

Фабиан перечитал имя еще раз, чтобы убедиться, что он все правильно увидел.

Да, Гертруда. Но действительно ли это была она или это просто совпадение?

Он ввел ее персональный номер и, как только данные появились на экране, понял, почему Эльвин так заинтересовался.

Гертруда Стенсон родилась в 1956 году в больнице Истада. В двадцать два года она сменила фамилию, когда вышла замуж в церкви Херби и стала Гертрудой Муландер.

Таким образом, Эйнар Стенсон был тестем Ингвара Муландера.

Это не могло быть простым совпадением.

20

Раннее летнее утро. На самом деле, нет ничего прекраснее этого, подумала Лилья, когда по сигналу радиации вышла из машины, пересекла дорогу и двинулась на участок Ландерца. Завесы тумана, будто взбитые сливки, парили над землей и размывали очертания автомобилей, садовой мебели и бабтутов.

Но ничего этого она не могла оценить. Даже то, как первые лучи солнца заставили все вокруг сверкать, хотя день только начался. В ее глазах была чернота, которая затмевала все, а где-то в глубине сознания, под контролируемым спокойствием, она кипела от ярости.

Несколькими часами ранее она проснулась на лужайке в собственном саду с пульсирующей болью в одной щеке. Ее одежда промокла насквозь, и она замерзла так, словно никогда больше не сможет согреться.

Хампус спал на диване с включенным телевизором и одной рукой в кармане домашних спортивных штанов, и, судя по остаткам на журнальном столике, он съел пиццу и выпил слишком много пива. Но у нее совсем не было сил возмутиться, она просто прошла в дом и наполнила горячей водой

ванну.

И где-то там, в клубках горячего пара, реальность медленно вернулась в ее сознание. То, что ее выбросили на лужайку в собственном саду, было не чем иным, как предупреждением. Ей как бы показали, что, если она пойдет слишком далеко, последствия не заставят себя ждать.

Мы знаем, где ты живешь.

Надев чистую одежду, она позвонила Утесу с домашнего телефона, уверенная, что он не спит и вне себя от беспокойства. Но гудки оставались без ответа, и она рассказала, что произошло, его автоответчику и заверила, что с ней все в порядке, и что она собирается вызвать Ландерца на допрос, как только придет в себя.

Через пятьдесят минут она проснулась и прослушала его немногословное сообщение на автоответчике. Она сразу же решила, что и не подумает следовать его указаниям, и вообще сделает вид, что не получала сообщение.

Нет времени говорить. Я рад, что ты в порядке. Ландерц может подождать. Тебе лучше отдохнуть. Созвонимся позже.

Дверной звонок звучал как надоедливая пластиковая игрушка крикливой расцветки, в которой нельзя было убавить громкость, а батарейки отказывались садиться. Через минуту дверь открыла женщина в тапочках с пандами, халате и с растрепанными волосами.

– Доброе утро, – сказала Лилья, и, посмотрев вглубь при-

хожей, пришла к выводу, что та выглядела так же, как и в любом другом доме. – Меня зовут Ирен Лилья. Я бы хотела поговорить с вашим мужем.

– Э-э... что?

– Ваш муж. Он дома?

– Да, но... – Женщина оглядела ее сверху донизу. – А в чем дело? В конце концов, сейчас не больше половины седьмого.

– Шесть тридцать три, если быть точным.

– Привет, что происходит?

Она не могла его видеть, но этот гнусавый голос, несомненно, принадлежал ему. Когда он вскоре после этого вышел с мокрыми волосами, одетый только в расстегнутую рубашку, трусы и носки, ей показалось, что она вошла прямо к ним в спальню.

– Вот мы и встретились вновь. – Она расплылась в улыбке и притворилась, что не замечает боли после удара в скулу.

– Так, подождите-ка. Вы двое знаете друг друга? – Женщина переводила взгляд с Лильи на Ландерца и обратно. – Зиверт. Ты можешь мне объяснить, что это такое...

– Иди в дом и займись завтраком.

– Конечно, но...

– Мне двойной эспresso и свежесжатый сок к йогурту. И не забудь проследить за тем, сколько какао наливает себе Уильям.

Женщина закусила губу и исчезла, не удостоив Лилью да-

же взглядом.

– В чем дело? – спросил Ландерц, застегивая рубашку. – Я думал, мы уже все обговорили.

– Вынуждена вас разочаровать.

– Если вы думаете, что я передумал насчет базы данных членов партии, то ошибаетесь. К тому же я узнал, как это связано с так называемым законом «О персональных данных», если вы, конечно, когда-нибудь слышали о нем. Там запрашиваемая вами информация упомянута как «конфиденциальные личные данные», что, проще говоря, означает – вы можете забыть о получении этих сведений.

– Да, именно так там и написано, точно. Я понимаю, почему вы стоите на своем. Но скоро все может измениться. Кстати, хорошо вчера провели время?

– Я? – Ландерц выглядел сбитым с толку. – Если вы имеете в виду пожар в офисе, то могу только сказать, что это был лишь один из примеров того, как наше общество не справляется с потоком прибывающих беженцев. Именно так происходит, когда собирается слишком много различных этнических групп в одном месте. Усиление противоречий порождает насилие, которое, в свою очередь, порождает еще больше насилия. Так что нет, с чего бы мне считать, что я хорошо провел время?

– Ух ты, – Лилья захлопала в ладоши. – Впечатляюще. Это было почти дословно то, что я вчера прочитала в интервью газете «Квэлльспостен», а ведь еще нет и четверти седьмо-

го. Но на самом деле, не позавчерашний пожар привел меня сюда, а ваше милое маленькое выступление вчера вечером.

– Выступление?

– Как вы там говорили? Беженцы – не что иное, как паразиты, которых нужно травить ядом.

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Нет? По крайней мере, мне показалось, что там вы чувствовали себя как рыба в воде. А если не помните, то у меня есть запись. Поднятые вверх правые руки, повязки со свастикой и вся эта ваша красивая речь о крысах и тараканах.

Лицо Ландерца изменилось, он понял всю серьезность ситуации.

– Значит, это были вы.

Лилья кивнула.

– Теперь выбор за вами. Либо я разошлю запись в газеты, «лживой прессе», как вы их называете. Либо вы даете мне копию базы данных членов партии, и газеты получают немного меньше информации.

– Звучит, конечно, привлекательно, но, насколько я понял, ваш сотовый был сломан.

– Никогда не слышали об «Ай-клауд»?

Ландерц встретился взглядом с Лильей, пытаясь понять, не блефует ли она.

Она разозлилась не на шутку.

– Мы можем стоять здесь и играть в эту дурацкую игру все утро. Но если ты сейчас же не принесешь то, что я хочу, то

тебе позвонит Джимми Окессон. И я могу пообещать тебе, что он не обрадуется, когда узнает, чем ты занимаешься по ночам.

Не говоря ни слова, Ландерц повернулся к ней спиной и исчез в глубине дома, чтобы через минуту вернуться с флешкой в руке.

– Надеюсь, вы понимаете, что это не что иное, как чистой воды шантаж.

Лилья ответила ему улыбкой, взяла флешку и положила ее в карман, одновременно вытаскивая рацию:

– Я закончила.

– *Вас понял*, – слышался мужской голос, и вскоре из утреннего тумана вынырнули три фигуры в полицейской форме.

– Что за черт? Мы же заключили сделку!

– Да, и вы можете быть абсолютно спокойны. Запись останется у меня, по крайней мере, пока. – Она кивнула полицейским, чтобы они его арестовали.

– Подождите, давайте поговорим, черт возьми, – закричал он в тот момент, когда его окружили полицейские, а потом прижали к стене. – Я не сделал ничего противозаконного! Ни хрена я такого не сделал, что дает вам право повязать меня!

– Я бы, наверное, назвала вашу милую маленькую речь разжиганием этнической розни, за это можно получить до двух лет. Но вы правы. Скорее всего отделаетесь штрафами. Подстрекательство к поджогу, с другой стороны, это уже

более серьезное дело, даже если оно касается собственного офиса.

Ландерц, на руки которому в этот момент надели наручники, не мог понять, о чем она говорит.

– Не надо изображать удивление. Вы не хуже меня знаете, что это были ваш сын и один из его друзей. – Она повернулась к одному из полицейских. – Кстати, вам стоит сходить и забрать его, пока он все свое какао не выпил.

21

Он посмотрел через окно автобуса в сторону торгового центра Хюллинге с супермаркетом «Ика Макси» на цокольном этаже и заметил, что облака скопились в одном месте. Скоро начнется дождь. Но это не имело никакого значения. Учитывая все то, что ему предстояло, это должен был быть просто удивительный день.

Он не мог припомнить, когда в последний раз так ждал чего-то. Даже тот день, когда он сбежал из дома со своими сбережениями, которые будто горели у него в кармане, не мог сравниться с сегодняшним. Тогда ему было всего семь лет, и он в одиночку проделал весь путь из Поарпа, через пролив и потом до Копенгагена, чтобы добраться до парка развлечений «Тиволи».

Ощущение полной свободы, возможности делать что хочешь тогда наполнило его с такой силой, что он покачнулся,

как на облаках, и не повернул в сторону дома, пока не кончились последние монеты и солнце не зашло за линию горизонта.

Все, что он предпринял с тех пор, было различными попытками вновь пережить то же самое опьяняющее чувство счастья. Даже если это будет последний раз в жизни. Он пробова­ л ездить в парки развлече­ ний, делал это несколько раз. Экспериментировал с ал­ ко­ го­ лем и наркотиками. Много путешествовал и испытал больше, чем многие могли только мечтать. Но он никогда даже близок не был к тому, чтобы снова ощутить тот бурлящий порыв, который едва не оторвал его от земли.

До нынешнего момента.

Торговый центр Хюллинге был не только первой остановкой, это был парк развлече­ ний, более захватывающий, чем все остальные вместе взятые. Вложения были на порядок больше, чем в других случаях, и следовательно, высота падения была выше. Могло случиться все что угодно, и ничего не зависело от него. Благодаря костям он так же мало знал о том, что его ждет в следующий час, как и в тот момент, когда он в первый раз сел на американские горки и полетел вниз в своей вагонетке.

Кости.

Именно их он должен был благодарить за все. По какой-то неизъяснимой причине они привели его именно сюда, в торговый центр Хюллинге, выбрали это место из миллиона дру-

гих, скоро они поведут его дальше, прямо в неизвестность, и выберут жертву.

Автобус свернул и остановился на остановке на улице Осторпсвеген. Выйдя из автобуса, он помог одной мамочке вытащить коляску и охранял ее до тех пор, пока ей не удалось привести своего протестующего трехлетку, который делал все, чтобы окончательно разозлить мать. Она села в автобус через две остановки после него, и малыш кричал практически всю дорогу. Каждая из ее все более отчаянных попыток успокоить его разноцветными смузи заканчивалась тем, что они оказывались либо на полу автобуса, либо на ней самой.

Кроме того, он был вынужден сидеть рядом с толстой женщиной в тренировочной одежде с неприятным запахом изо рта. Он никогда не понимал, почему люди, которые никогда в своей жизни не тренировались, упорно носят отвратительно сидящую синтетическую одежду кричащих цветов.

Но он был в слишком хорошем настроении, чтобы поддаваться эмоциям, хотя и предпочел бы, чтобы игральные кости выбрали автомобиль, скутер или хотя бы велосипед, а не автобус. К тому же, торговый центр был построен для автомобилистов. Там не было даже приличного тротуара, ведущего через стоянку, на которой две трети мест уже заняты, хотя было всего двадцать минут одиннадцатого.

Он подождал, пока женщина с коляской отойдет достаточно далеко, затем сел на исцарапанную деревянную скамейку

на автобусной остановке и вытащил шестигранный кубик из тканевого мешочка.

Он взвесил его на ладони и потер каждую из сторон между пальцами, чтобы согреть.

Торговый центр Хюллинге состоял из трех разных зданий. «Ика Макси» и «Баухаус» размещались в двух отдельных корпусах, а остальные магазины ютились в третьем. Первый вопрос заключался в том, какое из трех зданий он должен будет выбрать. «Ика» соответствовал единице и двойке, «Баухаус» – тройке и четверке и, наконец, последний корпус – пятерке и шестерке.

Он сложил ладони так, чтобы между ними образовалось пространство для кубика, и тряс до тех пор, пока окончательно не убедился в том, что у кубика было достаточно времени, чтобы сделать выбор.

Двойка.

Начал моросить дождь, поэтому он натянул на голову капюшон, вышел из-под крыши автобусной остановки и пересек парковку, потом проскользнул в автоматические двери «Максиз», взяв одну из красных тележек по пути в магазин.

Других покупателей в первом отделе с кухонными принадлежностями и бессмысленными пластиковыми штуковинами, которые никто никогда не покупал, видно не было. Поэтому он прошел дальше в овощной отдел, который, несомненно, нравился ему меньше всех остальных. Настолько, что он начал полностью избегать свежих овощей.

Ведь нужно было не просто выбирать овощи и складывать в пакеты. Кроме этого стало все более распространенным взвешивать и приклеивать ценник на это дерьмо. Как будто ты здесь работал, но зарплату тебе при этом не платили. Даже просто найти нужный вид салата среди всех вариантов – уже занимало целую вечность.

Еще и другие покупатели... Например, пожилая женщина, стоявшая немного в стороне от него, которая щупала одно манго за другим, а потом еще и обнюхивала, как какая-нибудь собака.

Он подошел к молодой картошке и стал одну за другой складывать ее в пакет, одновременно разглядывая эту женщину. Та была одета в синее с головы до ног. Синий плащ, синие шорты и синие резиновые сапоги. Даже дужки ее очков, висящих на ниточке на груди, были ярко-голубые.

Другими словами, у нее были все шансы остаться в живых.

Пять из шести возможных исходов были в ее пользу. Единственное, чего она не пережила бы, так это пятерки, именно эта цифра отвечала за синий цвет. Очередность цветов и то, какой цифре каждый из них будет соответствовать, это то, о чем ему пришлось немного подумать, прежде чем он пришел к выводу, что единственным логичным решением было следовать цветам радуги.

Это означало, что красный цвет соответствовал единице. Затем шли оранжевый, желтый, зеленый, синий и, наконец, фиолетовый, которому соответствовала шестерка. Бе-

лый, черный, коричневый и серый были нейтральными и не участвовали в игре.

Итак, ему нужна была пятерка.

Он взял еще одну картофелину, завязал пакет и положил его в тележку. Затем сунул руку в карман, взял кубик и начал трясти его в руке, пока шел к витрине с красным луком. Оказавшись у витрины, раскрыл ладонь и посмотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.